

П. Л. ЛАВРОВ О ТУРГЕНЕВЕ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

СТАТЬЯ О ЖУРНАЛИСТИКЕ КОНЦА 60-х ГОДОВ

Предисловие и публикация А. Л. Смоляк

Статья Лаврова «Письмо провинциала о некоторых литературных явлениях» хранится в его фонде в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 6). Сохранился черновой автограф этой статьи и белой список, сделанный неизвестной рукой. Статью следует отнести к июню — июлю 1869 г. Она посвящена критическому обзору январской — майской книжек «Вестника Европы» 1869 г. Лавров, вероятно, намеревался опубликовать эту статью в «Отечественных записках», где он выступил в марте 1868 г. со статьей «Письмо провинциала о задачах современной критики»¹, но его новая статья не была напечатана.

В годы ссылки в Вологодскую губ. (1866—1870) Лавров сотрудничал в «Невском сборнике», в журналах «Современное обозрение», «Книжный вестник», «Отечественные записки», «Женский вестник», «Библиограф» и в газете «Неделя». Наряду с публицистическими статьями, он в это время значительное внимание уделяет литературной критике. В литературе о Лаврове — публицисте и идеологе народничества — почти не отражена его деятельность как литературного критика. В «Биографии-исповеди» («Автобиографии»)², говоря о сотрудничестве в журналах тех лет, Лавров упоминает только о появлении в 1870 г. в газете «Неделя» своих «Исторических писем», а между тем нам известен ряд его критических статей этого периода. В журнале «Книжный вестник», № 18-19 за 1866 г. он поместил обзор первых книжек «Вестника Европы», а в № 21-22 и 23-24 — обзор «Современная журналистика» (статья первая), о значении политической, учено-литературной и специально-ученой печати, а также о журнале «Отечественные записки». В 1868 г. он напечатал вышеупомянутую статью в «Отечественных записках». В том же году в «Вестнике Европы» появилась его статья «Критика русских писателей в Германии» (№ 12, стр. 903—916) — по поводу книги Юлиана Шмидта о Тургеневе («Iwan Turgenjew von Julian Schmidt». — «Preussische Jahrbücher», Bd. XXII, 1868). В журнале «Библиограф», 1869, № 1, были опубликованы две статьи Лаврова: «Письмо в редакцию» (в рукописи под названием «Письмо провинциала о задачах литературной критики»)³ и «Обозрение периодических изданий». — «Неделя», 1868, № 1—52 и 1869, № 1—29. С января 1870 г. Лавров ведет в газете «Неделя» раздел «Журналистика», в котором были помещены три его статьи: обзор журнала «Отечественные записки» за 1869 г. (1870, № 5, 1—13 февраля, стр. 169—181), характеристика «Отечественных записок» и «Дела» (1870, № 11, 15—27 марта) и журнала «Дело» и «Вестника Европы» № 1 и 2 за 1870 г. (1870, № 16, 19 апреля). Кроме того, в «Отечественных записках» 1869 г., № 5 и 9 в статье «Цивилизация и дикие племена» имеется критический отзыв о романе Тургенева «Дым» — см. разделы: «Потугин вместо предисловия» и «Потугинская цивилизация вместо послесловия»⁴. Все литературно-критические статьи Лаврова по цензурным условиям печатались без подписи, под разными псевдонимами и инициалами, но, как писал Лавров, «публике было известно его сотрудничество в

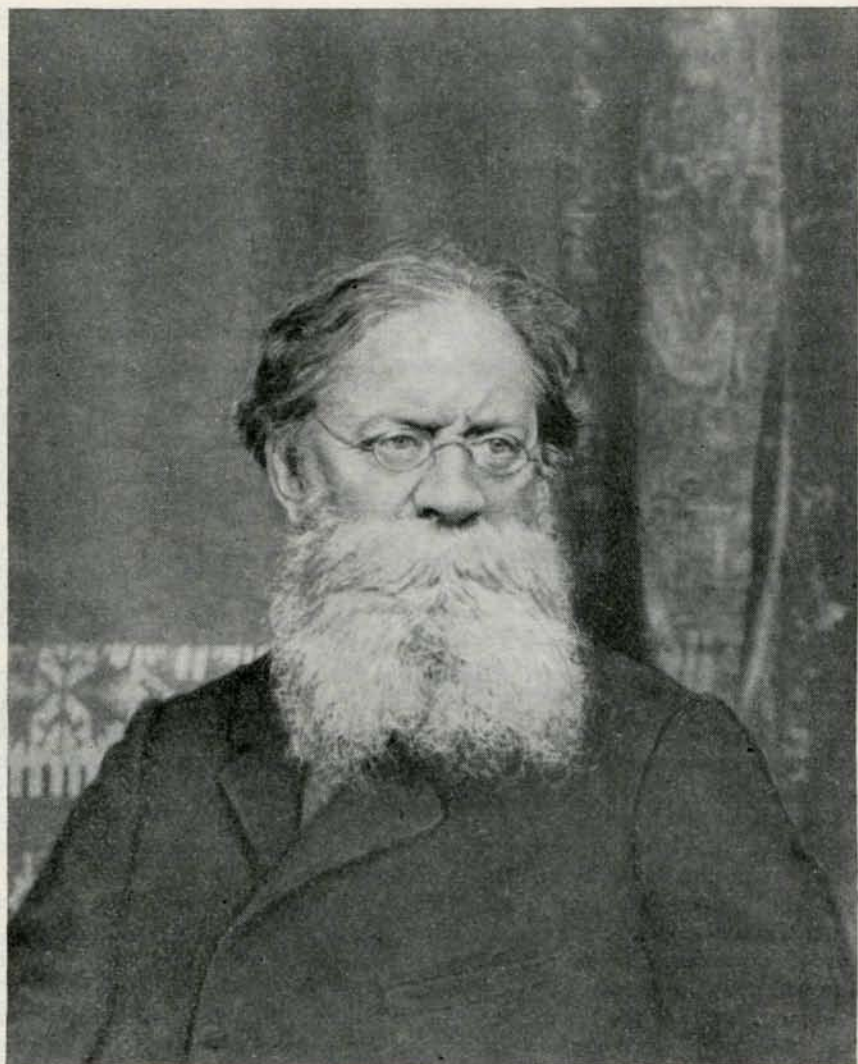
журналах», и потому его наиболее известные псевдонимы были «весьма прозрачной маской»⁵.

Публикуемая статья «Письмо провинциала о некоторых литературных явлениях» представляет значительный интерес для характеристики литературно-критической деятельности Лаврова. Лавров в своих статьях стоял на уровне передовых революционных идей 60-х годов, был последователем Белинского и Чернышевского. Он не только поддерживал традиции Чернышевского, но и творчески их развивал, требуя от критики «правильного направления» в области общественных вопросов и «излечения» недоверия в обществе к «критике и литературе»⁶. Резкий спад революционного движения после выстрела Каракозова и наступление реакции сказались и на литературе этого периода. Реакционная пресса — журналы «Русский вестник», «Литературная библиотека», «Всемирный труд» — повела яростную кампанию против демократии. В конце 1866 г. были закрыты «Русское слово» и «Современник». Реакционные органы были наполнены антинигилистическими произведениями. «Журналистика нравственно припущена, говорит вполголоса, а кричат лишь те, которые ожидают, что их погладят по головке», — писал Лавров. Лавров в своих литературно-критических статьях выступает против деятелей «реакционного начала». «Не может быть ничего вреднее для разумной критики, — писал он, — как игнорирование силы врагов, пренебрежение тем, что действует сильнее всего»⁷. Лавров со свойственной ему публицистической страстью выступал против реакции, отстаивая идеи революционной демократии.

В публикуемой статье, посвященной разбору либерального журнала «Вестник Европы», Лавров резко критикует этот журнал за отход от прогрессивных идей и приближение к позициям «благонамеренности». Автор статьи анализирует причины упадка литературы, являющейся отражением настроений общества, так как под каждым вопросом литературы скрывается вопрос общественный. «Три вопроса, — писал Лавров, — возбуждают в самом обществе раздражительные столкновения и споры: это вопрос о православном духовенстве <...>, вопрос о Польше, с которым связывают обвинение в недостатке патриотизма, вопрос о нашей молодежи 50—60-х годов, с которым связывают обвинение в нигилизме — самое страшное из всех».

Останавливаясь на польском вопросе, явившемся пробным камнем группировки сил после восстания 1863 года, Лавров выступает против «катковского патриотизма», против реакционных публицистов, которые видели в русском революционном движении, объединявшемся ими в понятие «нигилизм», следствие «польской интриги». Вопрос о «нигилизме, его происхождении и роли в развитии мысли русского общества» в освещении Лаврова представляет наибольший интерес. Во время наступившей реакции, «когда слово „нигилист“ было обращено в орудие доноса, когда типы «Отцов и детей» перешли в пошлые фигуры повестей Авенариуса, Писемского и даже под пером Гончарова обратились в карикатурную личность героя «Обрыва», Лавров резко отделяет роман «Отцы и дети», который либеральная и реакционная критика считала началом антинигилистического романа, от потока последующей антинигилистической литературы. «...Роман „Отцы и дети“ никогда не стоял на точке той ультраблагонамеренности, на которую пытались стать позднейшие беллетристы», — писал Лавров.

Роман «Отцы и дети» был напечатан в 1862 г., во время, когда революционная демократия вела ожесточенную борьбу с либералами, когда она представляла собой «партию с влиятельными органами в прессе и адвокатов у нее было тогда довольно». Базаров тогда «создавал впечатление, что если есть в русском обществе сила, эта сила в Базаровых». К этой же оценке романа «Отцы и дети» Лавров возвращается и в статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества», написанной после смерти Тургенева. «„Отцы и дети“, — писал Лавров, — вызвали самую ожесточенную полемику в лагере передовой прессы, целую литературу объяснений и комментариев...» Он был написан, когда нигилизм был движением за лучшее будущее, которое влечет «к нему все лучшие силы молодой интеллигенции, вооружает против него всю общественную дрянь начала 60-х годов <...> Борцы за новое чужая, что „Отцы и дети“ могут обратиться в орудие против них <...> Но и реакционеры находили и могли находить, подобно Каткову, что это оружие ненадежное, что в могучей фигуре Базарова много нравственно привлекательного для тех, кто поглубже взглянет в этот тип людей»⁸. Еще в конце 60-х годов

П. И. ЛАВРОВ

Фотография, 1880-е годы

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

Лавров писал о Базарове «как о самой могучей личности из всей выставленной галереи типов»⁹.

В 1867 г. вышел в свет роман Тургенева «Дым». Тургенев вышел «на бой уже не с сильным, а едва дышащим врагом», — писал Лавров, имея в виду, что «период нигилизма кончился». Появление романа «Дым» было встречено враждебно как революционной, так и либеральной критикой. Противоречия, присущие Тургеневу как художнику и мыслителю, проявились в этом романе в еще большей степени, чем в «Отцах и детях». Правдивое и резкое изображение реакции сочетается у него с карикатурным изображением русских революционных кружков. «...цель автора <...> — писал Лавров, — представить одинаково пустоту или „дымность“... всех русских общественных стремлений». Лавров расценивал роман как стремление Тургенева «обвинить молодое поколение в ничегонеделании, пустых разглагольствованиях о будущем России»¹⁰. Но, стремясь быть объективным, Лавров писал, что в этом романе «прекрасно представлена автором русская

аристократия и в русском либерализме есть порядочная доля губаревщины, но сказать, что в русской демократии и аристократии нет дельных людей — значит вовсе не признавать фактов»¹¹.

Лавров обвиняет Тургенева в намерении «увести общественные слои от борьбы к абстрактной идеальной цивилизации». Отождествляя самого Тургенева с Потугиным, Лавров писал: «Нужно нам поменьше людей, которые говорили бы громкие слова, не понимая их, людей бессильных для оживляющей мысли, жаждущих успокоиться на том, что было когда-то свежее мышлею, людей, которые, качая своею утомленной головой, говорят борцам мысли: „довольно, довольно, вся ваша борьба и ваша мысль — дым. Все это пройдет, пора остановиться, пора успокоиться, пора устраивать муравейник“»¹².

Позднее, в статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества», Лавров, вспоминая свои отзывы о «Дыме», смог объяснить причины, вызвавшие появление этого романа: «... Тургенев переживал тяжелое время, когда сознавал себя непонятым и не видел надежды на лучшее нигде: ни в реформах сверху, на которые недавно все надеялись; ни в инициативе интеллигенции, которая, с одной стороны, оказалась трусливою и неспособною к деятельной оппозиции, с другой — все враждебнее отступала от союза как с конституционалистами-западниками, так и с помазанными елеем и постным маслом жалкими остатками славянофилов-народников; ни в народе, наконец, который оставался чужд политическим интересам»¹³.

Оправдывая свои прежние резкие отзывы о «Дыме», Лавров писал: «Конечно, это легко обдумать и сказать *теперь*, но тогда, в разгаре борьбы за остатки расстроенного лагеря искателей „настоящего дна“, думалось и говорилось иначе. Я тогда из моей казиковской ссылки очень жестоко отнесся к автору „Довольно“ и „Дыма“»¹⁴.

«Борьбой за остатки расстроенного лагеря» вызвано и отношение Лаврова к «Воспоминаниям о Белинском» Тургенева, помещенным в апрельской книжке «Вестника Европы» 1869 г. Огорченный разноречивой критикой «Дыма», в «Воспоминаниях о Белинском» он старается объяснить молодому поколению свои политические взгляды и стремления. 8/20 апреля 1869 г. Тургенев писал М. М. Стасюлевичу: «Искренно радуюсь успеху моей статьи о Белинском; мне приятно думать, что она оказалась не совсем недостойной его памяти — и может возбудить, вместе с воспоминанием о нем, несколько полезных размышлений — особенно в молодом поколении».

Тургенев, противопоставляя Белинского Добролюбову, считал, что Белинский, обладая «главными чертами великого критика», «никогда бы не позволил себе той ошибки, в которую впал даровитый Добролюбов; он не стал бы, например, с ожесточением бранить Кавура, Пальмерстона, вообще парламентаризм, как неполную и потому неверную форму правления <...> Он бы понял всю несвоевременность (у нас, в России, в 1862 году) подобных нападеий; он бы понял, какой партии они должны были оказать услугу, кто бы поразился им!» (X, 282, 285).

Одной из причин разрыва Тургенева с «Современником» в 1860 г., как известно, была статья Добролюбова «Когда же придет настоящий день?»¹⁵ по поводу романа Тургенева «Накануне». В «Современнике» была помещена статья М. А. Антоновича «Асмодей нашего времени»¹⁶ о романе «Отцы и дети». Очевидно, эту статью имел в виду Тургенев, говоря о «глумлении, излюбленном свистании, зубоскальстве» в критике (X, 295). Лавров не одобряет отношения Тургенева к «Современнику» (взгляды которого Лавров поддерживал и разделял), он упрекает Тургенева в неуважении к памяти Белинского, ставит ему в вину чтение лекции о Пушкине среди людей, «у которых одно упоминание имени Белинского возбудило негодование». Впоследствии Лавров более объективно отнесся к лекции о Пушкине (часть которой была приведена в «Воспоминаниях о Белинском») и отметил как положительное явление то, что «лектор поставил, к негодованию своих невежественных слушателей и слушателей, Белинского рядом с Лермонтовым и Гоголем». В этом Лавров видел свидетельство того, что «литературная революция, предшественница политической и социальной, развертывала свое знамя...»¹⁷.

Но из этого не следует, что в 70—80-е годы, после близкого знакомства Лаврова с Тургеневым и с последующей его литературной деятельностью, в корне изменилось отношение Лаврова к творчеству Тургенева. В конце 60-х годов Лавров также вы-

соко ценил творчество Тургенева как великого художника слова, но укорял его за «шатания по разным лагерям». Интересны замечания Лаврова в связи с выходом в свет объяснения Тургенева «По поводу „Отцов и детей“», приложенного к изданию его сочинений 1869 г. Тургенев в этом объяснении доказывал, что критика Антоновича в «Современнике» была несправедлива, что автор, изображая Базарова, «честно и не только без предубеждения, но даже с сочувствием отнесся к выведенному типу», что, за исключением воззрений на искусство, он разделяет все взгляды Базарова. Лавров, не принимая объяснений Тургенева, критиковал его за сотрудничество в «Русском вестнике», но тем не менее отмечал, что произведения Тургенева сами по себе «хороши и списаны с действительности»¹⁸.

Лавров протестовал против появившихся в журнале «Дело» статей Лунина «Кто лучше?» и Свяжского «С неевского берега», презрительно отозвавшихся о Тургеневе. Лавров возмущен безобразной выходкой журнала «Дело», поместившего эти статьи «в журнале с традицией Писарева»¹⁹. В том же журнале «Дело» 1870 г., № 2, была помещена статья Н. В. Шелгунова, в которой тот писал о Тургеневе: «Это честный, искренний человек, не становившийся никогда на ходули, переживавший всем существом своим вопросы, о которых он говорил, страдавший и радовавшийся вместе со своими героями, приглядывавшийся ко всем явлениям жизни и горячо любивший страну, для которой он жил и действовал...». Лавров с некоторыми оговорками присоединяется к этой характеристике Тургенева. Но несмотря на высокую оценку творчества Тургенева как художника, Лавров «видел в нем всегда только либерала, хотя либерала настолько имеющего более чутья, чем его товарищи, что он готов был сочувствовать и даже содействовать *всякой* нарождающейся силе, оппозиционной по отношению абсолютизма, как только он мог на минуту предполагать, что она может на минуту проявиться как сила»²⁰.

* * *

Статья печатается по беловому списку, хранящемуся в архиве П. Л. Лаврова — ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 6, лл. 18—43. Черновые варианты приведены по автографу, лл. 1—17.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ П. Л. Лавров. Письмо провинциала о задачах современной критики. — «Отечественные записки», 1868, № 3, отд. II, стр. 123—142. Статья напечатана без подписи; но в оглавлении третьей книжки и второго тома (в № 4) имя автора обозначено криптограммой: ...р...р... (то есть: Петр Лавровъ).

² П. Л. Лавров. Биография-исповедь (Автобиография). — Избр. соч. П. Л. Лаврова, т. I, М., 1934, стр. 81.

³ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 4.

⁴ Избр. соч. П. Л. Лаврова, т. I, стр. 507—508.

⁵ П. Л. Лавров. Биография-исповедь (Автобиография), стр. 81.

⁶ П. Л. Лавров. Письмо провинциала о задачах современной критики. — «Отечественные записки», 1868, № 3, отд. II, стр. 133.

⁷ П. Л. Лавров. Письмо в редакцию. — «Библиограф», 1869, № 1, стр. 6.

⁸ См. настоящ. том, стр. 225 и 227.

⁹ П. Л. Лавров. Обзорение периодических изданий. «Неделя», 1868, № 1—52; 1869, № 1—29. — «Библиограф», 1869, № 1, стр. 7.

¹⁰ Там же.

¹¹ П. Л. Лавров. Журналистика. «Вестник Европы», «Дело» № 3-й 1870 г. — «Неделя», 1870, № 16, 19 апреля, стр. 536.

¹² П. Л. Лавров. Цивилизация и дикie племена. Потугинская цивилизация вместо послесловия. — «Отечественные записки», 1869, № 9, стр. 128.

¹³ П. Л. Лавров. И. С. Тургенев и развитие русского общества — настоящ. том, стр. 230.

¹⁴ См. настоящ. том, стр. 231—232.

¹⁵ «Современник», 1860, май, отд. III, стр. 37—45.

¹⁶ «Современник», 1862, март, отд. II, стр. 65—114.

¹⁷ См. настоящ. том, стр. 220.

¹⁸ П. Л. Лавров. Журналистика. — «Неделя», 1870, № 16, 19 апреля, стр. 536.

¹⁹ П. Л. Лавров. Журналистика. — «Вестник Европы», «Дело» № 2. — «Неделя», 1870, № 11, 15 марта, стр. 373.

²⁰ П. Л. Лавров. И. С. Тургенев и развитие русского общества. — Т. в воспр., стр. 73.

ПИСЬМО ПРОВИНЦИАЛА О НЕКОТОРЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯВЛЕНИЯХ

Тому полтора года, я послал в редакцию «Отечественных записок» письмо, где изложил, как умел, свои соображения о задачах критики в настоящую эпоху, переживаемую русским обществом, причем неизбежно было оценить некоторые явления нашей литературы¹. Редакция мне сделала честь поместить мое письмо, за исключением некоторых мест, которые она нашла, может быть, несправедливыми относительно большинства наших лириков². Но и к помещенной части она сделала примечание, в котором высказала свое разногласие со мною в оценке некоторых современных литературных явлений³. Именно, ей показалось, что я слишком много возлагаю надежд на журнал, одно место программы которого я подверг в своем письме критическому анализу⁴. Этот журнал ратовал противу «направления» как покойная Боборыкинская «Библиотека для чтения»⁵. Я доказывал, что направление неизбежно явится, но допускал, что оно будет весьма далеко от направления «Русского вестника»⁶, «Всемирного труда»⁷, «Литературной библиотеки»⁸. Насколько мне известно, редакция в этом сомневалась.

Теперь, по прошествии почти полутора года, когда пред читателями находится 17 книжек «Вестника Европы», сомневаться уже нельзя. Как я предсказывал, направления «Вестника Европы» определились (я с намерением употребляю множественное число), но я должен сознаться, что редакция «Отечественных записок» угадала вернее меня и что «Вестник Европы» пошел далеко не тою дорогой, которую я для него предвидел. Не имею под руками первого письма моего, но помнится, что я высказал мнение о невозможности появления в этом журнале статей, которые составляют самую яркую сторону упомянутых выше псевдопатриотических изданий. беру это мнение назад. Появление подобных статей на страницах «Вестника Европы» не только возможно, но весьма вероятно и зависит от обстоятельства, вовсе чуждого содержанию статей — от талантливости их авторов. Разумеется, должно ожидать, что ни г. Ратч⁹, ни г. Коялович¹⁰, ни г. Крестовский¹¹, ни г. Авенариус¹² не украсят своими именами страницы «Вестника Европы», так как их литературство, *an und für sich**, такого макулатурного свойства, а «Вестник» имеет такое количество талантливых сотрудников¹³, что обращаться на толкучий рынок литературы ему не приходится: он запасается в магазинах. Но мысли всех этих цветков, выросших на богато унавоженной почве русской литературы с 1862 года, принимаются с удовольствием, лишь бы они были подписаны не столь грязными именами (не говорю о самих личностях). Это уже стало заметно с первых книжек 1868 года, когда «Вестник Европы» (как Фауст, помолодевший по чарованию Мефистофеля, черта современности) отказался от своей серьезно исторической задачи, заменил толстые трехмесячные книги ловкими и гибкими ежемесячными книгами и стал все более увлекаться страстью к прекрасной Гретхен-беллетристике. Теперь, поместив конец романа г. Гончарова¹⁴, он сбросил покров Изида и может быть причислен с полным правом к могучей фаланге, ведущей борьбу благонамеренности противу безнравственности, катковского патриотизма противу неисчислимых интриг, жертвою которых беспрестанно делается наша Русь, по недогадливости или глупости, — не знаю, как уже думают наши великие патриоты.

Я вовсе не имею в виду критику романа г. Гончарова. Конечно, «Отечественные записки» посвятят ему подробную статью**¹⁵. Для меня этот

* в себе и для себя (нем.).

** *Далее зачеркнуто*: Скабичевский или кто другой сделает это несравненно лучше меня.

Тяжело провинціалом външнорусскій
литературныхъ авианіяхъ.

[illegible][illegible]

«ПИСЬМО ПРОВИНЦИАЛА О НЕКОТОРЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯВЛЕНИЯХ».
СТАТЬЯ П. Л. ЛАВРОВА

Автограф, 1869. Лист первый

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

роман одно последнее и самое характеристичное явление в длинном ряде явлений, на который мне хочется указать. Даже, в сущности, мне никакого дела нет до г. Гончарова. Его литературное и, в особенности, жизненное направление, так давно определилось, что иного результата ожидать было трудно¹⁶. По неизменным законам своей природы, однажды установившись, люди идут в жизнь: для одних вероятнее самоотверженное дело, для других — подлость, для третьих — пошлость. Все это в порядке вещей. И когда человек прошел через ряд метаморфоз молодости, когда взрослое насекомое готово, тогда остается лишь классифицировать его между наземными жуками, между легкомысленными мотыльками или между шелковичными червями. Но редакция журнала с ее сотрудниками составляет безличное целое, комбинирующее свои цели для общей цели, с которою солидарны более или менее все. Выкидывая тот или другой флаг, надписывая на щите тот или другой девиз, помещая на своих страницах ту или другую заметную статью, журнал принимает ответственность за мысли, в ней высказанные, и определяет тем самым круг сотрудников для него *возможных*, а каждого сотрудника принуждает *поставить* вопрос: в своем ли я лагере? Прилив новых сил есть процесс, путем которого для журнала представляется постоянно возможность оживиться, помолодеть или заразиться ядовитыми миазмами, перейти к реакции или балансировать на острие ножа, посылая любезные улыбки и поцелуи радикалам и реакционерам со своего шаткого подножия.

Поэтому журналу можно всегда сказать: вот куда вы идете; вот настоящий лагерь, которому вы принадлежите. От главных сотрудников журнала зависит остановить его наклонность в ту или другую сторону, потому что немногие редакторы решатся разойтись с несколькими главными сотрудниками из-за помещения одной статьи, случайно пришедшей со стороны. Редактор может ошибиться в значении помещения того или другого произведения. Заблуждение со стороны целой группы умных и талантливых людей искренно быть не может. Поэтому я имею в виду в этом письме не только ответственного редактора журнала, но и всю группу его сотрудников¹⁷.

Здесь мне могут возразить, что в настоящее время нельзя быть чересчур строгим в этом отношении. Литература наша так «оголилась», по меткому выражению одного из наших публицистов, что многим и деваться некуда. Вопрос уже не в том, чтобы примкнуть к журналу, с которым *вполне* сходишься, а приискать издание, с которым *не совсем* расходишься. Человек, имеющий повод думать, что у него есть мысль, которую полезно выслушать русским читателям, не может у нас беспрепятственно основывать свой журнал, если бы даже имел на то средства (которых у литераторов, за крайне малым исключением, нет); не может и выдавать брошюру менее десяти листов; ему приходится примкнуть к другим. Конечно, здесь является вопрос, где предел возможных уступок? С кем можно соединиться? Разные лица отвечают на этот вопрос различно: один лишает себя всякой возможности быть влиятельным деятелем, потому что расходится со всеми из-за пустяков или из-за личных дразг, другой отрицает почти всякую солидарность между собою и своими товарищами по литературному делу и усиливает своим содействием органы, наиболее вредно влияющие на читателей.

Общего правила тут дать нельзя, но можно сказать, что отрицать солидарность очень легко, но совершенно бесполезно; если читатель видит в данном журнале часто встречающуюся подпись сотрудника, то он неизбежно возлагает на него часть ответственности за помещаемые там заметные статьи, принадлежащие другим лицам, отрешившись от них возможно лишь путем печатного протеста, который у нас употреблялся несколько раз, но настолько некстати, что вызывает лишь комическое воспомина-

ние. Что касается до *личных* отношений, то здесь дело иное. Низкий нравственный уровень нашего общества дает с каждым годом все менее возможности прилагать строгий нравственный критерий к людям, с которыми мы вступаем в деловые отношения. Журнал есть существо безличное, которое живет в своем печатном проявлении. При нашем настоящем положении печатного дела он представляет очень часто большое различие между фиктивной фирмой, которой принадлежит, материальным предпринимателем его, и действительным руководителем. Это разделение безнравственно, но оно дело времени и, конечно, литературу всего менее приходится обвинять в нем. До капиталиста-предпринимателя никакому литератору не может быть дела. Он может прилагать более или менее строгий критерий к *действительному* руководителю дела, находить, что есть поступки, не позволяющие с ним идти вместе, но, если он выдерживает критику, то компанейское участие в журнале как в торговом предприятии может переходить из рук в руки без особенного вреда для дела. Всего неприятнее фикции не совсем приличных фирм, но, как я уже сказал, это горькое условие времени, которое исчезнет, как лишь всякому дозволено будет издавать журнал и нести за него ответственность. Весьма загадочно, кто выигрывает от этих фикций, никого не обманывающих, и которые получают значение лишь в те минуты, когда почтенные литераторы доходят до пафоса уличных торговек и выливают более или менее справедливо накопившуюся злобу, не обращая вовсе внимания, что из этого может выйти, но отыскивая только место, где бы побольнее ужалить. Конечно, для нравственного унижения русской литературы легальная поддержка фиктивных литературных фирм весьма целесообразна.

Надеюсь, что читатель видит из предыдущего, какие обширные уступки я делаю плохому времени, и я ожидаю скорее обвинения в излишней уступчивости, чем в ригоризме. Но против исторических условий приходится бороться, становясь на почву действительно существующего, а не желательного. Желательное есть цель, а средство — в реальной почве. Когда братьев бьют и теснят, лишь Дон-Кихоты не хватаются за первую попавшуюся палку для их обороны, а ждут рыцарских мечей, обвязанных шарфами Дульциней. Конечно, надо, чтобы палка годилась в дело. Есть время для строгого ригоризма; есть время для фанатических самопожертвований; есть время и такое, когда только крепкий союз для дела, вне личных озлоблений и неудовольствий может иметь какое-либо практическое значение. Признаюсь, для меня было очень странно, что бегство от долгов капиталиста, фирма которого стояла на журнале, имело следствием падение органа, который мог очень еще служить центром действия литературной партии, имеющей очень немного представителей в прессе, хотя к ней принадлежит большинство наших талантливых деятелей, несмотря на трудное время¹⁸. Еще менее считаю простительным для людей с убеждением разом выходить из журнала из-за личных самолюбий и пошловатой камарадерии*, когда журнал не изменил своему знамени, а это знамя было знамя почтенное¹⁹. Когда разные оттенки данной партии имеют много органов, то отчего же и не побаловать своего самолюбия или своей преданности собутыльнику. Но когда органов мало и число их все уменьшается, то подобные поступки очень уже близки к измене знамени из-за своего маленького я. Конечно, большая часть подобных дел совершается бессознательно, но неужели сознательность действий должна составлять принадлежность худших кружков, а бессознательность — правило для лучших.

В отношении направления статей журнала нельзя быть столь уступчивым, потому что журнал действует не отдельными статьями, а совокуп-

* товарищества (франц.).

ностью их. И здесь, разумеется, приходится брать в соображение реальную почву. Немцы уже в 30-х годах этого столетия находили безнравственным правило, которого держался в своей деятельности в конце прошлого века Эммануил Кант: не говорить против убеждения, но умалчивать иные свои убеждения. Действительно, это правило, абсолютно говоря, безнравственно; но то, что для Германии составляло требование общественной нравственности в 30-х годах, еще далеко не достигнуто Россией, имеющей скоро вступить в 70-е годы. У нас еще не так часты и те, которые не говорят против своего убеждения. Следовательно, как ни желательно, чтобы наша пресса стала на более высокую нравственную ступень, реальная почва этого не позволяет. «Москва» выставила на своем знамени знаменитую русскую троицу: православие, самодержавие и народность²⁰; кажется, этот девиз, совершенно искренно защищаемый ею, мог бы ей служить охраной. Но К. К. Арсеньев совершенно верно заметил, что она говорила слишком громко, и — ее постигла катастрофа²¹. Обычай нравственного принижения, обычай хитрить и лицемерить, скрыничать и увертываться — обычай рабов — остался среди нас наследием прежнего доброго времени. Администрации так же странно, чтобы литература заговорила громко, как старому помещику оскорбительно, что его Степка, Ильяшка не целуют его барские руки и не ломают пред ним шапки после освобождения. Дерзость! Положим, говорят и вещи, в сущности, совершенно благонамеренные, да громко, а потому дерзко. Надо говорить вполголоса. При подобных требованиях и слишком наглядных примерах понятно, что литература наша нравственно принижена, говорит вполголоса, а кричат лишь те, которые ожидают, что за этот крик их погладят по головке. Делать нечего, остановимся хоть на мудром правиле прошлого века, на жизненном правиле Канта.

Будем судить органы нашей прессы по тому, что они говорят, а не по тому, что обходят. Обходить приходится — если приходится — именно самые живые вопросы, наиболее интересующие читателей, следовательно, обходя их, журнал сам подрывает свою силу, свое влияние, которые пропорциональны общности умственной жизни, существующей между читателями и журналом. За умолчание было бы слишком строго требовать в наше время к ответу. Но за *высказанные* вещи это возможно. Однако и тут мы берем самую мягкую мерку. Мы не считаем себя в праве предположить, что редакция помещает что-либо в своем журнале *против* своего убеждения. Мы считаем, что она в самом деле сочувствует мыслям, в ее журнале высказанным, по крайней мере в тех статьях, где редакция не помещает оговорки в виде примечания, что, дескать, помещая статью во внимание к достоинствам ее в одном отношении, она далеко не согласна с нею в другом. Этот обычай у нас существует, редакция всегда может ему следовать; поэтому, если не следует, значит не имеет к тому повода. При малом числе наших журналов без этого и обойтись нельзя.

Итак, мы принимаем, что все журналы наши *искренни* в высказываемых ими направлениях. Если так, то *судить* их, собственно, не за что, а можно только классифицировать. Там, где предполагается искреннее убеждение, нравственный суд произносит оправдательный приговор над личностью; но, относя журнал к категории тех или других органов, критик ставит нравственный вопрос главным сотрудникам журнала: разделяют ли они это убеждение? Намерены ли быть отнесены к этой категории? Считают ли возможным способствовать журналу идти по той дороге, по которой он идет? Не следует ли им употребить все свое влияние, все свои усилия, чтобы остановить его слишком быстрое приближение к точке зрения органов, пользующихся не особенно выгодною репутацией?

Конечно, категории наших журналов можно установить только по тем вопросам, которые действительно служат современной меркою благо-

Учителю социалистовъ
Карлу Марксу
отъ автора
въ знакъ дружбы и уваже-
нія.

ОПЫТЪ ИСТОРИИ МЫСЛИ.

«ОПЫТ ИСТОРИИ МЫСЛИ» П. И. ЛАВРОВА (СПб., 1875)
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА КАРЛУ МАРКСУ
«Учителю социалистов Карлу Марксу от автора в знак дружбы и уважения»
Обложка и шмуцтитул первого тома
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

намеренности или неблагонамеренности. Фритредерство и протекционизм, Бисмарк и Наполеон III, Маццини и Кастеллар²², про и contra новых судов, про и contra крупного землевладения — все это сделалось в последние годы более или менее нейтральной почвою, где можно высказывать свои мнения без особенного опасения последствий. Оно, конечно, лишь более или менее, потому что случаются и такие казусы, что за достоинство «его величества короля прусского», как выражается Фамусов²³, и за испанских революционеров приходится дорого поплатиться журналам (например, «Неделе») ²⁴, хотя все-таки это бывает лишь между прочим. Вопрос о крупном землевладении вызывает до сих пор, с одной стороны, кличку социалистов, но к этому уже попривыкли, и, кроме того, защитники крупного землевладения сами неизбежно стоят на шаткой почве: им приходится прямо порицать крестьянскую реформу и видеть в ней социалистическое стремление, чего — по высшим соображениям — делать неудобно, и они лицемерят. Уже гораздо сомнительнее вопрос о классицизме и реализме, потому что официально классицизм признан органом спасения отечества²⁵; но, в сущности, и этот вопрос представляет лишь повод к блестящим турнирам, иногда к кровавым поединкам, но опасности не представляет. Во-первых, свыше не было ни одного предостережения за многочисленные статьи в пользу реализма; во-вторых, в обществе

смотрят на это очень хладнокровно. Не знаю, как у вас нынче в Петербурге, а я могу заявить, что в провинции я еще не встречал *ни одного* человека, который бы по убеждению стоял за классицизм воспитания; родителей же, которые очень хорошо сознавали совершенную бесполезность набивать мозги юношества греческими и латинскими вокабулами, встречал немало.

Три вопроса, в сущности, *опасны* для прессы, во-первых, потому что за ними строго следят свыше; во-вторых, потому что они возбуждают в самом обществе раздражительные столкновения и споры, так как большинство этого общества, если и не выработало себе убеждений на этот счет, то сознает, что убеждение здесь иметь *следует*. Это вопрос о православном духовенстве, с которым связывают обвинение в неверии; вопрос о Польше, с которым связывают обвинение в недостатке патриотизма; вопрос о нашей молодежи 50-х и 60-х годов, с которым связывают обвинение в нигилизме — самое страшное из всех. Журналы, которые защищают православное духовенство, ругают поляков и сильно порицают молодежь 50-х и 60-х годов, — *вполне* благонамеренны. По мере того как их отношение к одному из этих вопросов становится шатко, и степень их благонамеренности уменьшается. Если же по всем трем вопросам они высказывают мнения, отходящие от предыдущих, то это органы безбожия, измены, нигилизма, разврата и т. д. и т. д.

Так как это почва весьма скользкая, то об этих вопросах преимущественно пишут много и высказываются громко журналы *вполне* благонамеренные. Другие высказывают критические замечания лишь мимоходом, слегка, стараясь не останавливаться на опасной почве. Третьи молчат и тем самым отнимают у себя наиболее живое отношение к русской современности. В сущности, мало-мальски рассудительным людям хорошо известно, что вопросы, о которых я говорил, несколько не связаны существенно с обвинениями, которые при этом не раз приходится слышать. Можно быть очень верующим человеком, можно даже желать, чтобы наше духовенство получило высокое нравственное влияние на наше общество, и в то же время сознавать и доказывать, что в *настоящем* его состоянии оно не имеет никакого влияния или очень вредное; что оно *не может* руководствовать народными школами или отвращает народ от ученья; что оно *не может* быть органом возвышения народной нравственности, потому что само воспитывается дурно, представляет само многочисленные примеры пьянства, разврата, продажности в консисториях, деспотизма епископов и благочинных. Неверующие рады подобным явлениям; верующие их оплакивают; но и те и другие могут одинаково указывать на них, даже верующие укажут скорее, так как для них они больнее. По-видимому, и Главное управление по делам печати смотрит так же на этот вопрос, потому что статьи в «Неделе» по этому предмету, отличавшиеся вполне критическим взглядом на дело, не вызвали предостережения, хотя этому журналу не проходило даром ничто²⁶. Само собою разумеется, что до самых оснований православной церкви у нас журналы не касаются. Оно и было бы вовсе неловко. Закон карает всякое отрицательное отношение к тем положениям, которые вошли в сущность православного учения, или к тем лицам, которых он признал достойными почитания. Там, где закон дозволяет лишь односторонний взгляд, там не молчит лишь журнал экстраблагонамеренный. Лишь специально духовные журналы упражняются в полемическом богословии — без возражений.

Точно так же патриотизм вовсе не связан с руганием поляков. Патриотизм, как любовь, принимает многообразные формы, от самой животной до самой идеальной,сообразно развитию личности, которая принимает это чувство на себя. Патриотизмом называют люди, стоящие на низшей ступени развития, то чувство, которое побуждает желать, чтобы все на-

роды были поедены одним народом, чтобы всем было худо, а только моим соотечественникам хорошо. Патриотизмом называют люди со слабыми мыслительными способностями стремление удержать во что бы то ни стало то, за что предки дорого заплатили, хотя бы это вовлекло и потомков в громадные расходы людьми и деньгами, хотя бы это стояло поперек самым разумным и естественным политическим целям собственного отечества. Патриотизмом же называют люди развитие того чувства, которое побуждало Дантона желать, чтобы Франция «своим просвещением (*ses lumières*) и своею энергиею привлекала народы»²⁷. Люди дикие, люди глупые и люди развитые всегда — или, по крайней мере, еще долго — будут стоять рядом, следовательно, и будут существовать в одном и том же обществе разные виды патриотизма; но во всех этих видах он остается патриотизмом. Если хвалителей графа Муравьева и ругателей поляков принято называть патриотами, то нет все-таки причины отрицать патриотизм и тех, которые более заботятся об уменьшении траты русской крови и русских капиталов *в будущем* на периодически повторяющиеся восстания Польши, нравственно и материально поддержанной Европою, чем о том, что стоило нашим предкам *в прошедшем* это приобретение; и тех, которые находят, что политическое влияние России на славянские народы Запада вообще удесетерилось бы, если бы польский вопрос был решен иным путем, и что пожертвование при этом было бы далеко ниже приобретения; и тех, наконец, которые желают России более свободы, более образованности, желают ее видеть представительницею передовых идей современности и влиятельным органом развития, вследствие ее развития, а не вследствие ее пространства. Как ни боязливо высказывались критические взгляды в этом направлении в нашей литературе, но они высказывались иногда и даже не вызывали административных кар; следовательно, должно допустить, что администрация допускает в этом случае разные виды патриотизма.

Вопрос о нашей молодежи нам ближе других, затрагивает более наши жизненные отношения, а обвинение в нигилизме наиболее страшно, следовательно, тут, так сказать, самый корень разделения прессы по степени ее благонамеренности. В сущности и тут вопрос и обвинение связаны крайне внешним образом. Весьма сложное социальное явление в нашем обществе 50-х и 60-х годов, особенно же в молодежи, принято называть *нигилизмом*. Много раз уже говорили о нелепости этого названия, но оно удержалось. Примеры тому нередки в истории. Так, противников Филиппа II в Нидерландах окрестили их враги столь же мало осмысленным названием «*Les Gueux*»*, и это имя осталось в истории²⁸. Вероятно так будет и с нигилизмом. Это теперь название фазиса в движении мысли русского общества. Название неважно, и потому отчего же его и не удержать? Но важно обстоятельство, что так называемый нигилизм конца пятидесятых и начала шестидесятых годов имеет очень много сторон. В нем была доля необходимого физиологического стремления молодежи к более широкой жизни; в нем была доля неизбежных следствий исторического развития нашего общества, неизбежных условий почвы и среды; в нем была доля идеалистических стремлений человека к истине и справедливости, патристического желания лучшего для отечества, самоотверженной борьбы с тем, что представлялось как нравственное зло; была доля личного раздражения и личного честолюбия; была доля увлечений внешними формами; была доля карикатуры и игры словами; была доля себялюбия и лицемерия. Во всех исторических явлениях некоторой важности без того не обходится. Критике предстоит решить, *какова* была доля всех этих элементов. Конечно, для этого надо изучать вопрос спокойно, без раздражения,

* Нищие (франц.).

разносторонне, а не ограничиваясь некоторыми исключительными его явлениями. Критик, который изучил бы явление нашего так называемого нигилизма спокойно и беспристрастно, не может считаться нигилистом, если бы он и доказал, что в этом движении элементов естественно-необходимого, исторически-неизбежного и идеалистически-правственного было более, чем остальных. Между тем в этом вопросе — самом опасном, как я уже сказал, — благонамеренность прессы оценивается именно тем, насколько односторонне выставляются в ее органах элементы низшего сорта, присутствовавшие в нигилизме. И подобный взгляд поддерживается фактами весьма серьезного свойства. Роман «Всякие», несмотря на его не очень высокое литературное достоинство и на блестящую защиту его присяжным поверенным, вызвал не только судебное преследование, но и осуждение автора²⁹. Статья в «Неделе» по поводу университетского юбилея, несмотря на весьма серьезное, так сказать, чисто ученое отношение к предмету, подала, между прочим, повод к предостережению³⁰. Значит, отношение прессы к этому вопросу уже подходит к тому, что мы говорили об отношении ее к православным догматам. Полемические богословы ораторствуют, зная, что возражений читатели нигде не прочтут; прессе говорить неловко, так как всем известно, что можно говорить *лишь* в *одну* сторону, и пресса молчит, если она не экстраблагонамеренна. Так и здесь. Экстраблагонамеренная пресса ратует, зная, что ее противники связаны по рукам и по ногам. Уважающая себя пресса молчит или высказывается отрывочно, очень осторожно.

Установив эти положения, перехожу к доказательству, что «Вестник Европы» в *существенном* своем направлении журнал не только вполне благонамеренный, но экстраблагонамеренный. Однако недаром же я говорил в начале во множественном о направлениях этого журнала и теперь назвал упомянутое мною направление *существенным*, в отличие от других. По большей части вопросов, лежащих вне трех упомянутых *опасных* сфер, «Вестник Европы» проводит весьма либеральные идеи, и это, конечно, привлекает на его страницы такое число талантливых и почтенных деятелей нашей науки, литературы вообще и публицистики. В области истории, иностранной политики, в вопросе о классицизме и реализме в обучении он вовсе не разделяет мнений журналов *вполне* благонамеренных, полемизирует с ними и навлекает на себя их громы. В вопросе земском он за земство. В крестьянском вопросе, хотя г. Колюпанов и проповедовал некоторого рода закрепощение крестьян в эпоху, когда им можно будет переходить с места на место, но это едва ли следует принимать очень строго³¹. Таким образом, все это взятое вместе доставило журналу то видное значение, которым он пользуется в публике. Это и есть *одно* направление «Вестника Европы».

Каково же отношение журнала к *опасным* вопросам русской современности? Нельзя сказать, чтобы он об этих вопросах говорил много и посвящал им руководящие статьи. Но тем не менее он стал к ним в совершенно определенное отношение*.

Относительно первых двух вопросов я ограничусь весьма немногими указаниями, тем более вескими, что я имею при этом в виду статьи ученого, который, насколько известно, имеет видное участие в самой редакции журнала, следовательно, каждое мнение которого, высказанное в журнале, служит определением его направления.

В первых же номерах «Вестника Европы» 1868 года Костомаров поместил статью «Патриарх Фотий и первое разделение церкви»³², начинающуюся словами:

* Далее зачеркнуто: частью в исторических статьях, частью в беллетристике.

«В продолжении ряда веков совершало и совершает христианство свой великий процесс обновления человечества. Ветхий человек с своим языческим строем религиозных, научных, политических, социальных, нравственных убеждений долго упорствовал, под защитой римской империи за свое существование и без пощады силится замучить своего кроткого, незлобивого врага, который каждым новым своим страданием одерживал над ним новую победу».

На следующей же странице читаем:

«Сохранилось предание, что Византия просвещена была первозванным апостолом Андреем, посещавшим после того Синай и благословившим наш Киев. Это предание долго составляло и теперь составляет славу нашей православной церкви и опору против притязаний Запада. Апостол Андрей был старший брат Петра и прежде последнего призван Христом к апостольству. Таким образом, после насаждения им семян христианства в Византии и в Киеве, старшинство все-таки остается за нами, православными, греками и русскими, а не за Римом и Западом, где опираются на историческое старшинство Петра. Понятно, что западные ученые старались и стараются заподозрить достоверность этого предания».

Уже из этих цитат читатель чувствует себя в области полемического богословия, которое, как уже сказано, не может ожидать противоречия, потому что ограждается карою закона. Далее (стр. 124) встречаем «коварного» Максима Циника. Наконец, вся вторая статья есть безусловная защита Фотия; особенно интересны здесь страницы 600, 633 и след. Я вовсе не имею в виду оценивать доводы почтенного историка. Для меня характерично помещение на страницах журнала светской статьи характера богословско-полемического, следовательно, публичное заявление полнейшей благонамеренности в области, не допускающей возражений.

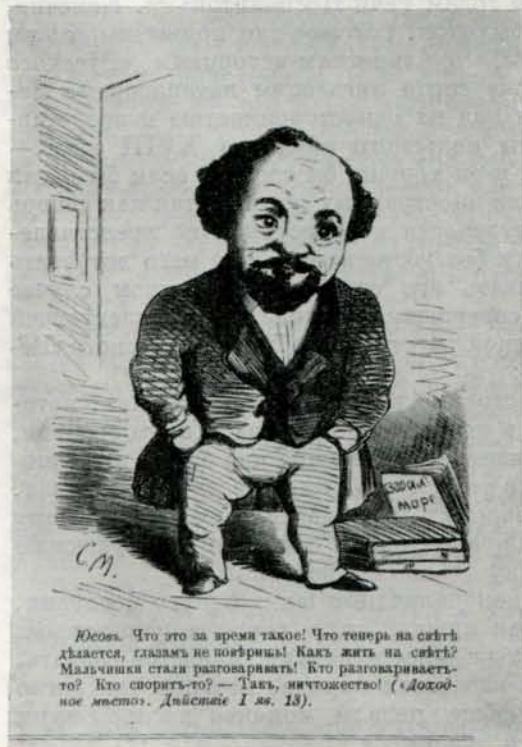
Для характеристики отношения журнала ко второму вопросу обращаемся к другому сочинению того же г. Костомарова, помещенному в нынешнем году, именно к «Последним годам Речи Посполитой»³³. Конечно, нельзя ожидать здесь тех грубых выхонок, которые так привычны нашим знаменитым Ратчам, Кояловичам, публицистам-историкам «Русского вестника»³⁴ и другим подобного же сорта лежащим литераторам. Насколько г. Костомаров возвысился над их односторонностью и представляет *все* характеристические черты польского общества XVIII века, — это дело его исторической совести, и он хорошо бы сделал, если бы издал свое сочинение в переводе на один из иностранных языков, так как теперь весьма может быть, что многие неточности и односторонние представления могли вкраснеть в его картину без возможности для него встретить возражение от тех, кто *мог* бы указать его ошибки. Во всяком случае сочинение это, *по направлению*, совершенно определено следующей характеристикой поляков, помещенной на стр. 709 и 712 февральского «Вестника Европы» за нынешний год:

«Причины падения Польши не столько в тех дурных сторонах, которые были в нравах нации, сколько в отсутствии хороших. Таким образом, перебирая все формы и явления жизни, поражающие нас своим разрушительным характером, мы найдем все то же, что было и в других странах, но мы не найдем в Польше тех здоровых противодействующих дурному начал, которые в других странах Европы давали движение к улучшению в общественном строе и к торжеству здравых убеждений.

Корень падения Польши в той деморализации шляхетского сословия, умственной и нравственной, которая лишала силы хорошие учреждения и увеличивала власть дурных; восходя далее к началу, придется сказать, что корень падения Польши в тех качествах народа, которые так легко увлекли его к деморализации и вообще делали поляков неспособными к самостоятельной государственной жизни...»

«Поляк всегда действовал преимущественно под влиянием сердца; ум и воля подчинялись у него этому влечению, и часто парализовались им. Народные добродетели и пороки объясняются этим свойством; поляк легко воспаляется, когда затрагивается его сердце, и легко охлаждается, когда сердце от утомления начинает биться тише, легко доверяется тому, что льстит желанию его сердца, и легко теряет доверие, когда слышит что-нибудь неприятное сердцу, и в обоих случаях легко попадает в самообольщение и обман: голос холодного, здравого рассудка, хотя бы самый дружеский, ему противен, увлекаясь чувством, он считает возможным невозможное для его сил, затевает великое дело и не кончает его, делается несостоятельным, когда для дела оказывается недостаточно сердечных порывов, а нужно холодное обсуждение и устойчивый труд, он способен к чрезвычайной деятельности, но не надолго, и может скоро впасть в лень и апатию; он добр до беспредельности и способен на величайшие самопожертвования в пользу доброго дела в минуту увлечения, но редко способен вести его с постоянством, может бросить его на полдороге, легко сделаться свирепым, жестоким, но также по увлечению сердца и не надолго. Не в натуре поляка ни постоянная долгая дружба, ни упорная мстительность. При первом неприятном на его сердце впечатлении, он рассорится с вернейшим другом, изменит ему, но зато легко протянет руку заклятому врагу, если тот удачно польстит его чувству. Его легко поднять до восторга и довести до уныния; от этого он часто бывает чрезмерно кичлив и заносчив, но часто падает духом и унижается в несчастии, то чрезвычайно храбр, то чрезвычайно труслив, то чересчур бурлив и неугомонен, то чересчур податлив...».

«Польское легкомыслие вошло у всех в пословицу, но никто не скажет, чтобы оно происходило от врожденной тупости и недостатка способностей; напротив, поляки народ очень даровитый, но сердечность увле-

Юсов. Что это за время такое! Что теперь на свете делается, глазами не поверишь! Как жить на свете? Мальчишки стали разговаривать! Кто разговаривает-то? Кто сворить-то? — Так, ничтожество! («Доходное место». Действие I яв. 13).

КАРИКАТУРА
НА А. Ф. ПИСЕМСКОГО,
АВТОРА РОМАНА
«ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ»

Гравюра с рисунка неизвестного художника. Из серии «Сцены из комедий Островского»

«Искра», октябрь 1864 г., № 42

СТРЕЛЕЦЬ (Ноябрь).

КАРИКАТУРА
НА АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКИЕ
ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Сатирический отклик на романы
В. П. Ключникова, А. Ф. Писемского и
Н. С. Лескова (Стебницкого)

Гравюра с рисунка неизвестного художника
«1865 комический год. Карикатурный аль-
бом. Приложение к „Искре“ 1866 года
(Предсказания „Искры“ на 1865 год, удоб-
ные и для 1866 года)». СПб., 1865

Убѣдаясь въ окончательной негодности
стрѣль «Марсѣ», «Взбаламученнаго Моря»,
«Некуда» и пр. и пр. и пр., соединенное
общество приглашаетъ и оспѣждаетъ стрѣльща,
для окончательнаго истребленія нигилистовъ
и нигилистокъ;

кала их за пределы рассудка, вводила в ошибочные взгляды, приводила к промахам; и только горький опыт, охлаждающий сердечные увлечения, заставлял их увидеть истину; отсюда и польская пословица: „Мудр поляк после беды“; но самый опыт редко исцелял поляка; при первом случае он впадал в новое самообольщение. Та же легкомысленная сердечность увлекла поляка незаметно к порокам, несправедливостям, низостям и преступлениям; сердечность, располагавшая панов к гостеприимству и веселой жизни, приводила их к потребности увеличивать свои средства, и, не приучив себя думать над тем, чего сердцу хочется, пан не обращал большого внимания на то, что эти средства доставались ему крайним угнетением его подданных, захватом чужой собственности и даже продажей чести и отечества. Последнее, так позорившее Польшу перед концом ее существования, происходило более от необдуманности, чем от расчетливого презрения к отечеству. Поляк, готовый на все дурное из корысти, готов был, по влечению сердца, бескорыстно разделить свое состояние с другими...»

«Поляки спокон веку кричали о свободе, но свобода у них была только сердечная, а никак не разумная, последняя стремится к тому, чтобы всему обществу было хорошо, чтобы склонности и побуждения каждого лица подчинялись потребности общего добра, идеал ее — порядок, гармония; при свободе сердечной, не управляемой умом, мало думают или совсем не думают о том, что прямо не соприкасается с побуждениями сердечной жизни. Человек, в сущности добродушный, желает, чтобы было хорошо только тем, кого он часто видит и с которыми делит свои сердечные ощущения, а до тех, с кем соединяет его только идея, ему мало дела...» «Свобода сердечная ищет только удовлетворения частных склонностей и симпатий; идеал ее — беспорядок, потому что без всеуравнивающего ума, дающего всему место и время, размер и границы, невозможно

согласить разнообразия личных свойств и побуждений. Польша это признавала и в продолжение веков не затруднялась говорить открыто, что она существует беспорядком (*nierzadem Polska stoi*). Мы не знаем, существовал ли другой подобный народ, который признавал бы нормальным состоянием общества беспорядок».

Справедливо заметил г. Костомаров (709), что «нет ничего труднее объяснить, отчего образовался такой или иной народный характер», но я полагаю, что он мог бы прибавить: установить общие черты народного характера едва ли не труднее, чем объяснить их, а при некоторых общественных настроениях историк, переходящий в область народной психологии, науки, весьма мало установившейся, есть не более как публицист. Ученость г. Костомарова не позволяет сомневаться, что он очень хорошо знает малую степень достоверности народно-психологических обобщений и что, следовательно, помещая свою характеристику, он нисколько не ошибался насчет того, будто какая-либо народная характеристика может быть в наше время *неизбежным результатом науки*. В глазах столь замечательного ученого оно могло иметь значение лишь субъективно полученного обобщения, которое он находил *полезным* высказать современным русским читателям. Это его право, и я могу только удивляться, почему это г. Костомаров в глазах иных слывет еще *не вполне* благонамеренным. Уж чего, кажется, лучше!

Но здесь дело не о личности автора, а о журнале. Полагаю, что, поместив подобную характеристику поляков, «Вестник Европы» дал достаточное ручательство *полнейшей* благонамеренности своего направления. Можно бы подыскать и еще подтверждение тому же, но достаточно и предыдущего. Я предпочитаю перейти к последнему вопросу. Для него материала более.

В этом случае органом мнений редакции является преимущественно беллетристика, что уже гораздо важнее...

«Как же это важнее? — может спросить читатель; — напротив, беллетристика в журнале — дело случайное, второстепенное. Кто обращает внимание на беллетристику? Это забава, а суть журнала — в других статьях».

Оно справедливо для журнала, желающего явно выставить свое знамя, но совсем не так для уклончивых изданий, которые, в сущности, принадлежат к данному лагерю, но прямо заявить это не решаются, иногда пред другими, иногда же пред самими собою. В беллетристике заявляются сами собою симпатии редакции, и это тем более справедливо в отношении «Вестника Европы», что он до сих пор был довольно разборчив в выборе беллетристических произведений.

Но этот отдел имеет в *наших* журналах несравненно большую важность, чем ему придают. Идея, воплощенная в типы романа или даже в звучный стих стихотворца, имеет во сто раз больше читателей в нашем обществе, чем критическая статья, как бы последняя хороша ни была. Только в этой форме идея становится действительно влиятельным элементом в обществе, возбуждает споры, разбор, вызывает на мысль большинство так называемого цивилизованного общества. Есть многочисленные кружки у нас в России, до которых идея вовсе не дойдет, пока не перелытается в беллетристическую форму. Кто не знает Базарова, Лопухова, Кирсанова, Рахметова? А изо всех знакомых с этими личностями, спорящих из-за них, очень малая доля знакома со статьями, где несравненно подробнее, разностороннее развиты те же идеи, которых представителями явились эти личности. Но серьезные статьи не читались, и даже большинство говоривших о них говорило с чужого слова, понаслышке, не вошло в прямое сношение с мыслью и чувством проповедников. К тому же число людей, способных усвоить и переработать отвлеченную мысль, не особенно велико. Оттого и действие было слабо, поверхностно. Реальные типы,

живые образы действуют несравненно сильнее и дают возможность людям, понимающим дело, уяснить его там, где интерес к нему уже возбужден беллетристикою, а без нее возбужден бы не был.

Поэтому русские журналы, не особенно внимательные в этом отношении, действуют неосторожно, если только они считают себя проводниками какой-либо идеи. Идея их наилучшим образом проводится путем беллетристики. Здесь дело не только в художественной отделке, в строгой реальной истине, сколько в *умной* композиции. Скука и вялость — вот враги тенденциозного романа. Как проводник идеи, он имеет такое же право на место в литературе, как и все остальное. Он должен быть правдоподобен и убедителен, как речь адвоката, убежденного в своем деле. Но он страшно вредит делу, если усыпит присяжных или надоест им. Тенденциозная беллетристика должна быть прежде всего занимательною, умною. Конечно, художественность не мешает, но не составляет *для журнала цели* и неперемennого условия.

Антинигилистическая беллетристика началась знаменитым типом Базарова, но роман «Отцы и дети» далеко не стоял на точке той ультра-благонамеренности, на которую пытались стать позднейшие беллетристы. Во-первых, по самому времени он был писан, когда еще можно было предполагать политическую силу в движении весьма сложном, как я уже это заметил выше, окрещенном названием *нигилизма*. Имея пред собою партию, силу которой переоценивали и приверженцы и противники, партию с влиятельными органами в прессе, с округленными нравственными идеалами, г. Тургенев имел собственно право отнестись к ней односторонне с своей точки зрения; адвокатов у ней было тогда довольно, и они по силе таланта в своей сфере далеко превосходили г. Тургенева в его сфере ³⁵. В сущности же, Базаров и не был вовсе типом до такой степени низким, как показалось многим, как, может быть, желал даже сам автор. Хвалители «Записок охотника» и порицатели последних произведений г. Тургенева постоянно предполагали в нем более мыслителя, чем художника, а в нем художник в большей части случаев одерживает всегда полную победу над мыслителем; последний же элемент у него всегда был очень слаб. И с типом Базарова случилось почти то же. Назло автору из романа получилось впечатление, что если где в русском обществе есть сила, эта сила в Базаровых, как они ни неприглядны. Конечно, это не мешало Базарову быть типом весьма односторонним и не исчерпывающим десятой доли содержания нигилистического движения.

Вместе с началом полемики о типе Базарова судьба нигилизма быстро изменилась. Его сила оказалась лишь силою мысли и таланта, а реальная почва общественных привычек и развитие большинства цивилизованного русского общества оказались для него слабою поддержкою. Скоро он был лишен своих лучших сил; его органы ослабели; всякая защита его стремлений могла повлечь за собою кару закона, а число лиц, потерпевших действительно подобную кару, было немалочисленно; по силе же мысли, таланта и характера оно было громадно.

Тогда-то *вполне благонамеренная* беллетристика развернула свои силы с полной уверенностью, что противники бессильны. Тогда-то потекли те пахучие струи произведений Писемского ³⁶, Ключникова ³⁷, Стебницкого ³⁸, которые доставили мантионовскую премию ³⁹ этим писателям за их направление. Тогда-то и наш драматург граф А. Толстой нашел самым педагогическим средством для русского общества в его критических стремлениях — палку Пантелея. Тот же граф А. Толстой впоследствии в своей «Былине» обещал своему отечеству, что, «наглотавшись татарщины всласть», оно назовет татарщину Русью. Надо полагать, что граф А. Толстой считает палку чисто русским педагогически-политическим оружием ⁴⁰. Но за периодом 1863—1864 гг., когда эти господа приобрели известность,

последовал 1866 год. Благонамеренные писатели имели уже пред собою не бессильных противников, а совсем безмолвных. Период нигилизма как заметного явления в истории русской цивилизации кончился. Что в нем было необходимого, исторически неизбежного, идеально-правственного — должно было искать себе других органов, других форм проявления, другого оружия, другого плана действия. Что в нем было личного, мелкого, пустого, карикатурного — или внесло эти элементы в другие лагеря или осталось отжившею формою. Недавние девизы, недавние оружия теперь были современны лишь на могилах павших бойцов, над постелью инвалидов, оставивших лучшие свои силы на старом поле битвы. Для нового боя требовалось вперед взять в соображение новую почву и новые усовершенствования военного дела у противников.

В этот период венец благонамеренности в беллетристике получили новые беллетристы, и г. Авенариус мог похвалиться наибольшим успехом. Если он не отличился талантом, то беззастенчивость его плевков на трупы убитых и на постели инвалидов заслуживает полного внимания. Многие последовали его примеру, но, стараясь отбить друг у друга пальму ругательства польской интриге и русскому нигилизму (двум вещам *существенно различным*), никто не отбил ее у г. Авенариуса. Г-н Тургенев вторично вышел на сцену на бой уже не с сильным, а с едва дышащим врагом, — что, очевидно, представляло нравственный прогресс, но и тут он как художник совершенно уничтожил свои стремления как мыслителя. Фигура Ирины до того отодвинула на второй план Губарева и К^о, что они остались незаметны. Может быть, опять против воли автор несравненно ярче осветил ничтожество Ратмировых, чем Губаревых; говорю может быть, потому что, по-видимому, цель автора была представить *одинаково* пустоту или *дымность* (если позволено так выразиться) всех русских общественных стремлений ⁴¹.

У всех этих благонамеренных беллетристов был прием очень обычный: они представляли *одну* сторону, *немногие* элементы дела. Они не обращали даже внимания на то, что в Лопуховых, Кирсановых, Рахметовых, хотя и не столь художественно, но с большей ясностью были установлены черты, которые *должно* взять в соображение при обсуждении дела, так как это были элементы движения, *по крайней мере*, настолько же реальные, как и элементы, разбросанные в Базаровых, Губаревых, в героях романов гг. Писемских, Ключниковых, Стебницких, Боборыкиных, Авенариусов и проч. и проч. Задача романиста, имеющего в виду нарисовать *действительную* картину общества 50-х и 60-х годов, заключается в расположении *всех* этих элементов в своей картине сообразно *реальному* их значению, их количественному и качественному содержанию в русском нигилизме. Задача эта еще не выполнена никем.

«Вестник Европы» перешел в свой новый фазис в 1868 году, когда и 1866 год принадлежал уже минувшему, когда *le spectre rouge** в России оказался очень обыкновенною фантасмагориею. Журнал с преимущественно исторической традицией, он, казалось, имел все данные, чтобы исторически всесторонне оценить явление, принадлежавшее минувшему, и содействовать рассеянию боязни пред призраками, боязни, постоянно мешавшей правильному ходу жизни и развитию литературы. Как же он отнесся к этой фантасмагории?

Он, во-первых, поместил в июне 1868 года полустихотворение г. Полонского «Ночь в Летнем саду», где в туманной аллегории было ясно, если не порицание нигилизма, то поползновение напасть на него ⁴². Ни умственные качества, ни социальная карьера, ни литературное прошлое этого стихотворца не позволяют ставить ему очень высоких нравственных

* красный призрак (франц.).

ИЗДАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ФОНДА В ЦЕРИХЕ

P. LAVROFF: LETTRES HISTORIQUES.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

П. Л. МИРТОВА
(П. ЛАВРОВА)

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

НЕМА І ФРАНКА

ЖЕНЕВА
ВЪЛАНКА РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ
1892

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

*Подарено научному
Фридриху Энгелсу
от автора
в знак уважения и
дружеского сочувствия
10 февраля 1892*

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ПИСЬМА» П. Л. ЛАВРОВА (ЖЕНЕВА, 1892)
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

«Представителю научного социализма» Фридриху Энгелсу от автора в знак глубокого уважения и дружеского сочувствия 10 февраля 1892»

Титульный лист и шмуцтитул

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

требований, следовательно, к нему приходится всегда относиться *снисходительно*. Но помещение этого произведения на страницах «Вестника Европы» было характеристично для направления редакции как потому, что оно было помещено в 1868 году, так и потому, что оно принадлежит далеко не к немногим стихотворениям г. Полонского, имеющим некоторое достоинство в художественном отношении.

В марте 1869 года «Вестнику Европы» пришлось говорить об университетском юбилее ⁴³. Тесная связь истории Петербургского университета за последние годы с фазисами нигилистического движения и реакции ему делало серьезно-историческое отношение к вопросу невозможным без оценки движения в университетской молодежи 60-х годов. Журнал не исторический, не связанный вовсе с жизнью университета 1857—1861 годов настолько, насколько связана редакция «Вестника Европы», нашел нужным стать именно на историческую точку зрения и отнестись к вопросу научно, т. е. всесторонне. В «Неделе» от 16 февраля нынешнего года было напечатано: «Неделю назад происходило, как известно, торжество пятидесятилетнего юбилея Петербургского университета. Мы вовсе не намерены излагать пред читателями бессодержательные и ничего не выражающие подробности, которыми было обставлено это торжество. По нашему мнению, мы сделаем гораздо лучше, если хоть несколько попо-

ним тот пробел, который бросился в глаза многим присутствовавшим на юбилее и следившим за всеми речами и поздравлениями, оглашавшими залу торжества. Пробел этот состоял в том, что никто из произносивших речи не почтил воспоминанием самое блестящее время в жизни Петербургского университета, не помянул добрым словом самую светлую страницу его пятидесятилетней истории. Эта страница, обойденная оскорбительным молчанием в день юбилея, есть время от 1857 до 1861 годов ⁴⁴.

Чем объяснить такой странный промах со стороны лиц, присутствовавших на акте и говоривших речи? Чем объяснить, в особенности, этот промах со стороны составителя исторического очерка университетской жизни, извлечение из которого было читано на акте профессором Андреевским? ⁴⁵ Упустил ли автор этого очерка самые счастливые годы из жизни университета или умолчал о них намеренно? Так как первое предположение совершенно невероятно, то приходится остановиться на втором: автор *намеренно* выпустил из своего очерка целых пять лет университетской жизни, и каких лет! Однако ж эта намеренность делается для нас отчасти понятной, если мы вспомним, что общественная молва связала упомянутое нами время с его заключительным финалом, известным под именем „студенческой истории“, которая послужила поводом к закрытию университета и резкому перелому в его внутренней жизни. Но где же, как не на торжественном юбилее, было всего удобнее восстановить истинный характер этой „истории“, раскрыть ее истинные причины и торжественно заявить, что она не имела ничего общего с предшествующими годами университетской жизни, что студенты в ней нисколько не виноваты? Где же, как не в среде бывших воспитанников университета, было всего приличнее *оправдать* университет в глазах общества? Но сделать это нашли почему-то неудобным. В виду такого-то оскорбительного умолчания мы и считаем необходимым сказать несколько слов о внутренней жизни Петбургского университета в период 1857—1861 годов».

Затем очерчена совершенно спокойно картина этой жизни, где автор стремился восстановить истину, особенно в тех вопросах, которые наиболее прикасались к жизненным интересам общества.

Гораздо уклончивее, а в особенности односторонне отнесся к вопросу «Журнал истории, политики и жизни», как титулуется ныне «Вестник Европы». На стр. 424—425 встречаем слова: «Неизбежные в полувековом периоде колебания и в общественном настроении, и в воззрениях правительства едва ли на каком-либо из наших учреждений отразились так быстро и сильно, как на Петербургском университете. Бывали для него и тяжелые эпохи, когда поощрение сменялось недоверием, и времена испытаний, когда университет с особой живостью стремился сблизиться с обществом, расширить благотворное влияние науки на общество, а вместе и самому освежиться принятием в себя общественных сил; но обстоятельства не всегда благоприятствовали, а враги просвещения истолковывали всякий раз превратно естественное стремление науки к жизни, видя в этом опасность для самих себя».

Позднейшей истории предоставим очистить семена от плевел. Высочайший рескрипт Петбургскому университету должен всем служить примером, как можно относиться к прошедшему в такие торжественные минуты, которые отделяют одну половину века от другой. Рескрипт обращается ко всем преподавателям и питомцам университета, которые „расширяли своими учеными трудами пределы различных отраслей знания, обширными своими сведениями содействовали важным частям государственного управления и составили себе почетное имя в науке, литературе и государственной службе“. Далеко не так отнесся нынешний состав профессоров к истории своего университета, если судить по исторической записке, читанной на акте 8 февраля г. Андреевским».

Хотя и не особенно ясно, говорится ли здесь только о преподавании или в то же время о студенческой жизни, но самая ссылка на слова рескрипта доказывает, что надо иметь здесь в виду преимущественно профессоров, а не студентов, и что автора внутреннего обозрения оскорбило преимущественно отношение исторической записки к бывшим профессорам. Оно еще яснее в последующем аллегорическом воспоминании событий царствования Александра I:

«Петербургский университет родился в эпоху необыкновенного оживления общественных сил в России: великодушные стремления Александра I призывали к жизни все общественные отправления. Университет своим развитием и шел общей дорогой, но в 20-х годах поплатился за это развитие, лишившись лучших своих профессоров. Магницкие могли бы, конечно, если бы они праздновали первое десятилетие Петербургского университета, говорить, что университет уклонился было от прямого пути, что теперь, при них, он достиг необыкновенного процветания; но в 30-х годах пустота этого процветания обнаружилась сама собой, и графу Уварову пришлось выписывать профессоров из-за границы или на скорую руку высылать молодых людей туда же, чтобы кем-нибудь наполнить опустевшие кафедры. Итак, мы теперь умудрены опытом; мы не поверим больше, если кто-нибудь нам скажет что-нибудь подобное тому, что могло бы говориться в эпоху недостойной памяти Магницких».

Затем опять обращение к высочайшему рескрипту⁴⁶, на основании которого автор считает «вычеркнутым из числа памятных отчет, сочиненный г. Григорьевым и читанный г. Андреевским».

Итак, все дело в профессорах! Студенты 1861 года понесли справедливое осуждение вместе со всем, что было связано с их движением.

В «Наблюдениях и заметках» того же тома пришлось вернуться к юбилею, и здесь уже почти неизбежно было говорить не только о профессорах, а также и молодежи, т. е. не только о либералах школы Грановского, а также о нигилистах. Автор «Наблюдений» говорит о нынешних профессорах университета:

«...в финале отчета они превознесли себя до небес, а в газете „Голос“⁴⁷ передовая статья, весьма похожая на краткое изложение того отчета, известила нас, что нынешние студенты не то, что прежние, как, например, начала шестидесятых годов, и делают такие успехи под руководством нынешних профессоров, что „студенты второго курса решают вопросы, которые были бы не под силу иному западному ученому“».

Казалось бы, сравнение нынешних студентов с *тогдашними* приходило само собою, а с ним и живой вопрос и требование истории. Но это обойдено молчанием.

Несколько ниже еще положительнее возбуждалось то же требование. Автор говорит: «Мы не можем по поводу новых стипендиатов, названных императорскими, пройти молчанием тех мыслей, которые были возбуждены в газете „Весть“ щедротами монарха⁴⁸. Этот орган явился со внушением будущим стипендиатам, а именно, по мнению его, молодые люди, очастливленные такими стипендиями, должны всегда помнить это и отличаться *впоследствии* особенной верностью к тому, кто их благодетельствовал».

Вот вы ждете фактического, исторического разбора отношений нашей молодежи к правительству. Но дело завершается весьма сомнительным парадоксом: «Сказать одним, что вы должны обнаружить особую привязанность, не значит ли сказать другим: а вы от этого свободны?» Затем шпильки «Вести», и делу конец.

Итак, в истории Петербургского университета «журнал истории, науки и жизни» видит лишь историю профессоров? Итак, нелепое отношение «Записки» к периоду 1857—1861 годов — действительно самому живому

и блестящему для Петербургского университета, — было несправедливо только относительно профессоров этого времени? Редакция ожидает появления записки г. Григорьева в печати и обещает ответить тогда. Приходится ожидать, но желательно, чтобы ответ не ограничился тогда профессорами.

Я далек от мысли ставить низко тот кружок профессоров, который в этот период занимал кафедры, особенно сравнительно с нынешними. Они бы не допустили такого поистине скандального диспута, который происходил при защите *философской* диссертации г. Владиславлева ⁴⁹. Они имели настолько нравственного чувства, что не допустили <бы> в свою среду человека, которого сама природа предназначала быть впоследствии специальным адвокатом крупных мошенников. Они бы покраснели, вероятно, при мысли обратиться к студентам *через газеты*, как бы заявляя тем, что между ними и студентами столь же мало живой связи, как между газетным публицистом и подписчиком. Некоторые из них, кроме того, имели бесспорные ученые достоинства, не только сравнительно со своими (за очень немногими исключениями) весьма жалкими преемниками, но и безусловно. Все это так. Но в 1861 году они играли довольно печальную роль. Они не умели быть руководителями молодежи, которая им *верила*. Они не умели понять своего времени. Они остались в стороне от движения идей, от общественных вопросов, когда их положение было таково, что требовало именно от них *первого* слова или грозило им потерю всякого влияния, потерю даже возможности бороться со злом, не уступать своим кафедрам безнравственным ничтожествам. Они не замарали себя, как многие другие, это правда. Но они и остались каждый со своими одиночными силами. Холодно оставила их молодежь, идя бороться и гибнуть за другими предводителями. Враждебно посмотрела на них реакция, неизбежно связывая с их деятельностью явления, мимо которых они прошли, сторонясь боязливо. Презрительно отнеслись к ним презренные преемники, для которых наука и идея лишь ступеньки по лестнице пустых почестей и звонких приобретений. Им осталось в одиночку идти путем науки, путем публицистики, путем юридической деятельности. В этом отношении многие из них не только не проиграли, но выиграли. Многие из них как люди остались высоко во мнении лиц, их знающих. Но никогда им уже не стать на то влиятельное место, на которое на одну минуту их поставила история русской мысли, на то место, значения которого они не поняли и которым воспользоваться *не сумели*. Они сами отказались от роли *исторических* деятелей, и это едва ли не самая печальная судьба, которая может постигнуть честных и умных людей. Их ученики гибли в безнадёжной борьбе за идеи, им чуждые. Их места заняли ренегаты мысли. Они не погибли, они не отреклись, но они остались в стороне, не имея возможности помочь гибнущим, не имея возможности бороться с ренегатами, не сочувствуя вполне никому из борющихся, не вызывая ничьего полного сочувствия. Жалкая участь для честных и умных людей!

Но неужели эта печальная роль *посторонних* в период самого горячего возбуждения настолько озлобила их против молодежи, окружавшей их когда-то такою любовью, против движения, от которого они посторонились сами, не борясь с ним, когда *могли* это сделать, что и теперь, когда все это принадлежит истории, они радуются, что другие оплевывают это движение, эту молодежь? Неужели они видят историю в памфлете на побежденных, в карикатуре на убитых? Не хотелось бы этому верить.

В апреле нынешнего года «Вестник Европы» поместил «Воспоминания» г. Тургенева о Белинском. Здесь, казалось бы, не могло быть места оценке позднейшего периода, которому «журнал истории, науки и жизни» не нашел нужным посвятить особой статьи. Но г. Тургенев не мог не воспользоваться случаем, чтобы отвечать — *замолчавшим*. К Добролюбову,

БАЗАРОВ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ
К РОМАНУ «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Акварель П. М. Боклевского,
1870-е годы

Литературный музей, Москва

покровительственно признанному «даровитым», еще автор отнесся снисходительно, укоряя его лишь за его ошибки, за нападение на Кавура (как будто в самом смысле движения, одним из предводителей которого был Добролюбов, не лежало отрицание кавуров?). Далее г. Тургенев говорит о Белинском:

«Однако же не прибегал он к глумлению, к „излюбленному“ свистанию, к зубоскальству. Сочувственный смех, возбуждаемый в известной части публики тем „свистанием“, — недалеко ушел от того смеха, которым встречались безнравственные выходки Сенковского... И здесь и там выпячивалась та же склонность к грубой потехе, к гаерству...»

Признаюсь, надо иметь значительную долю непонимания, чтобы сравнивать столь разнохарактерные литературные явления, как «Библиотеку» 30-х годов и «Современник» 50-х. Но я уже сказал, что г. Тургенев в этом отношении не силен, а злоба его на *развенчавший* его журнал довольно естественна. Насколько Тургенев витал в наипошлейших сферах нашего общества, видно из того, что он говорит в своих лекциях о Пушкине пред «немногочисленным» обществом в 1859 году⁵⁰. Конечно, оно состояло из людей той сферы, которая была ему всего ближе. Между этими пошляками «одно упоминание» имени Белинского «возбудило негодование». Хорош литератор, находящий нужным читать лекции *в таком* обществе! Следы этой сферы всегда остались на мысли г. Тургенева. Редакция «Вестника Европы», помещая без оговорки сравнение г. Тургенева, показывает, что и для нее «Современник» 50-х годов кажется тем же, что «Библиотека» 30-х.

С января по май месяц нынешнего года помещался в «Вестнике Европы» роман г. Гончарова. Начат он давно, и первые главы поместил автор в 1859 году в «Современнике». Автор утверждает, что программа романа была набросана еще ранее и что он сообщал ее тогда же «близким ему людям». Относительно Марка Волохова он сознался, что это лицо приняло

теперь «более совершенный оттенок». Не знаю, что за люди, «близкие» автору. Пишущий эти строки никогда с редакцией «Современника» дела не имел. Тем не менее я утверждаю, что г. Гончаров, помещая свой первый отрывок в «Современнике», *не мог* сообщить этой редакции весь план своего романа так, как он теперь явился на глаза публики, *не мог* обрисовать пред эту редакцию ни типа Марка Волохова, *несколько* подходящего к нынешнему, ни типа Веры в ее последнем фазисе. Г-н Гончаров достаточно умен, чтобы знать, что его роман в этой форме, несмотря на все художественные красоты частей первых четырех частей, принят бы не был, и люди, имевшие тогда значение в этой редакции, были тоже достаточно умны, чтобы поставить против подобного романа свое veto ⁵¹.

«Обрыв» есть произведение столь искусственно-тенденциозное и тенденциозный конец так явно пришит белыми нитками к предыдущему, что скачок замечен для наименее внимательного читателя. Г-н Гончаров совершенно сознательно приносит в жертву благонамеренности лучшее свое создание, тип Веры. Он с некоторым цинизмом бросает почти всех своих героев на жертву карикатуре. Под ногами Волохова чуть-чуть не разверзается геенна и вы ждете, что около него запрыгают чертята финала Дон-Жуана. Вера жаждет прощенья бабушки, как многочисленные моления шалуньи детских книжек сентиментальной Германии. Бабушка обращается в женщину-волчицу сказки Эркмана-Шатриана ⁵², бродящую по дебрям, и если «Обрыв» будет иллюстрирован, я рекомендую иллюстрацию этой сказки, способную напугать провинциальных барышень. Райского при этом можно смело изобразить милой собачкой, которая, высунув язык, бежит по около постели плачущей шалуньи Веры, то по дебрям и лесам за *шествующей* бабушкой... Мне кажется, что г. Гончаров должен был от души хохотать внутренне над публикою, просматривая корректуру последней части. Я даже думаю, что он обчелся и хотел, чтобы этот презент появился 1 апреля, зная аккуратность выхода книжек «Вестника Европы», а презент пришелся на 1 мая. Не без иронии, может быть, видел он и то, что редакция принимает это за серьезное дело, что она предполагала, будто он имеет в виду художественную правду. К чему она г. Гончарову? Ну, побаловался в продолжение четырех частей; припел к ним фигуру Волохова, чтобы хоть белые нитки были налицо, а затем к черту художественную правду. Положение автора требовало благонамеренного конца. Этот конец карикатурен; положим. Автор это знает лучше вас; да ему он был нужен именно таким; ему нужна была мораль по заранее определенному шаблону. Если вы ждали иного, тем хуже для вас; вы позабыли, что автор — г. Гончаров, или забыли *кто* такой г. Гончаров. Не смешно ли ему ставить какие-то художественные или нравственные требования? Он очень хорошо понимает, что такое художественная правда, но с чего вы взяли, что он дорожит ею? Даже весьма возможно, что и нравственные задачи ему понятны — в других; но с чего вы взяли, что в своем романе он ставит себе подобные задачи? Благонамеренность — вот его цель.

В этом отношении мораль романа безупречна. В лице Волохова — ближайшего предка нигилистов — доказано, что стремления молодежи конца 50-х и начала 60-х годов были карикатурны, бесчестны, бестолковы и крайне мелки; что тут не было ничего естественно-необходимого, ничего исторически-неизбежного, ничего идеально-нравственного; а так, нечто среднее между дьявольским наваждением, желанием стащить чужое пальто и желанием травить собаками прохожих; что, наконец, нигилисты, в случае любовного фиаско, пылали желанием идти в юнкера «на гибельный Кавказ». Очень, очень метко.

В лице Веры — предшественницы женщин последнего времени — доказано, что стремление к самобытности в женщине — вздор; что по-

вый женский идеал — галиматья; что решение всему — в советах бабушек и в часовне. Крепостной порядок обрисован так любовно, что становится жаль, отчего это все не осталось по-прежнему. Марфинька так счастлива, что приходит на ум, что же дурочка Вера глядела? Вот с кого пример-то следовало брать. А Тушин, что за человек! А Райский, что за чистая, изящная натура! А бабушка, что за воплощенная мудрость! Ну, скажите, пожалуйста, когда Русь наша была полна такими чудными людьми, таким блаженством, когда преследовали только каких-то бестолковых кандидатов в юнкера, подобных Волохову, людей, пишущих подложные письма, чтобы воспользоваться чужими деньгами, — что за безумие было искать лучшего? Действительно, глупость непомерная... Нигилисты, женский вопрос, реформы, просвещение, самобытность, искренность чувства, истина в мысли, справедливость в жизни, критика всюду, решимость идти за убеждением, несмотря ни на что... все это глупость, глупость и глупость...

Не так ли почтенная редакция «Вестника Европы»? Не так ли гг. сотрудники «Вестника Европы»? Г-на Гончарова я не спрашиваю. При том трезво расчетливом, цинически-утилитарном отношении его к собственным созданиям, которое видно из его романа, его спрашивать *нечего*. Но редакция, поместив этот роман, заявила свое отношение к живому вопросу русского общества. Сотрудники журнала солидарны с его направлением по *существенным* вопросам современности.

Итак, *это* убеждение редакции? Итак, с *этим* сотрудники журнала признают себя солидарными?

Помещая конец романа, редакция, конечно, имела в виду и петербургские события последних месяцев ⁵³. Она была рада заявить свое отношение к современной молодежи...

Мне остается признать, что «Вестник Европы» высказал этим совершенно определенно свое направление, и что это направление *вполне благонамеренно*, т. е. ставит этот журнал совершенно в одну категорию с «Русским вестником», «Всемирным трудом», «Литературной библиотекою» и «Зарею» ⁵⁴. Это большой успех в литературной нравственности.

Гг. Авенариус и Стебницкий! Постарайтесь написать роман поталантливее, понатужьтесь, переделайте раза два, три, даже попробуйте поработать общими силами, — авось лучше будет. Только смотрите, не изменяйте направление. Если роман выйдет несколько поталантливее, то будьте спокойны: «Вестник Европы» купит его.

Но что скажут сотрудники журнала по другим отделам? Что скажут те, которые составляют его настоящую силу, настоящую поддержку? Как они отнесутся к этому откровенному заявлению направления? Между ними есть хорошие честные имена...

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Статья Лаврова «Письмо провинциала о задачах современной критики» опубликована в «Отечественных записках», 1868, № 3, стр. 123—140 без подписи. Автограф этой статьи хранится в ЦГАОР, в ф. Лаврова (ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 3).

² В статье «Письмо провинциала о задачах современной критики» редакция журнала опустила следующую часть, восстановленную нами по автографу: «Чьи же имена встречаете вы в числе сотрудников этого отживающего института <иностранной цензуры. — А. С.>, этого предмета вечного неудовольствия нашей литературы? Имена наших известных лириков, тех самых, у кого так наболело сердце от всех общественных бедствий, тех самых, которые так чутко выражают общественное мнение в своих звучащих стихах. Извините, господа, если вы таким образом сможете поддерживать достоинство поэтов-певцов прекрасного, то не удивляйтесь, что публика будет улыбаться болям вашего сердца. Цензорская служба весьма почтенна, как всякая гражданская служба, да для вас ли? Мне скажут, что я изменил свою задачу, что я забегая из области литературы в область практической жизни. Меня вызывает к этому один из наших

лириков сам. Он недавно напечатал статью, где очень наивно доказывал, что наши поэты прежде нашей критики сказали все то, что она говорит. В прежнее время эта статья доставила бы много пищи юмористическим рецензентам: теперь смеяться даже и над этим жалким произведением неловко. Но я не имею в виду говорить о ней в целом. Дело в том, что автор между прочими красивыми фразами о молодом поколении говорит в этой статье: „Кого смело можно назвать честным тружеником, на каком поприще ни трудись он, тот ратник молодого поколения. Кто не продает своих убеждений, тот ратник молодого поколения. Кто, несмотря на свое звание, ни на положение в обществе [...] слушается своего внутреннего голоса и по силам своим избирает себе дело или ремесло и не стыдится его, тот ратник молодого поколения“ (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 3, л. 18). Речь идет о статье Я. П. Полонского «Прозаические цветы поэтических семян» («Отеч. записки», 1867, № 4, стр. 729).

³ Редакция «Отечественных записок» с января 1868 г. состояла из Н. А. Некрасова и Г. З. Елисеева (М. Е. Салтыков присоединился к ним осенью того же года). Печатаемая статья Лаврова, редакция поместила следующее примечание: «Соглашаясь с основными принципами этой статьи, мы с удовольствием даем ей место в этом журнале, хотя имеем свои причины смотреть несколько иначе на разные частные явления нашей журналистики, рассматриваемые почтенным автором» (стр. 123).

⁴ Имеется в виду «Вестник Европы», основанный в 1866 г. М. М. Стасюлевичем. На протяжении двух лет он выходил по четыре тома в год и назывался журнал «историко-политических наук». С 1868 г. «Вестник Европы» стал выходить ежемесячно, в программу его были введены беллетристика и хроника; журнал стал называться «исторический, политический и литературный». В декабре 1867 г. редакция «Вестника Европы» опубликовала свою программу, в которой утверждала, что общество «прожило эпоху журнальных направлений», что «направление в журналах есть только фраза», что наступила эпоха недоверия к направлениям (стр. VI). В связи с этим Лавров в статье «Письмо провинциала о задачах современной критики» писал: «Исполняя честно и добросовестно свое дело, редакция не могла, не может, да и никогда не будет иметь возможности остаться без направления [...] По естественному желанию создать деловой орган редакция принуждена была дать ему направление и чем более она проникается желанием создать влиятельный орган, журнал, входящий в жизнь общества, тем живее она почувствует необходимость установить свой взгляд на жизненные требования общества и тем определеннее станет его направление» (стр. 124).

⁵ «Библиотека для чтения» — журнал, основанный в 1833 г. О. И. Сенковским и книгопродавцем А. Ф. Смирдиным. В 1864 г. издателем «Библиотеки для чтения» стал П. Д. Боборыкин. В 1865 г. журнал прекратил на № 8 свое существование. В статье «Письмо провинциала о задачах современной критики» Лавров писал: «Помнится, первый раз эта светлая идея [создание журнала без направления. — А. С.] явилась у г. Боборыкина в „Библиотеке для чтения“. Тогда над ней много смеялись и провести ее, конечно, не удалось г. Боборыкину: он поместил сначала статью г. Эдельсона о „Взбаламученном море“, потом „Некуда“, и направление явилось независимо от его воли» (стр. 141).

⁶ «Русский вестник» — журнал, издававшийся М. Н. Катковым с 1856 г., с начала 60-х годов стал органом крайней реакции. «Русский вестник» вел ожесточенную борьбу с революционным движением.

Статья Каткова «О нашем нигилизме. (По поводу романа Тургенева „Отцы и дети“)». — «Русский вестник», 1862, № 7, стр. 402—426. — Она явилась началом антинигилистического похода в русской литературе.

⁷ «Всемирный труд» — ежемесячный литературный журнал реакционного направления, издававшийся в Петербурге с 1867 г. М. А. Ханом. В нем сотрудничали В. П. Авенариус и В. В. Крестовский, авторы антинигилистических романов.

⁸ «Литературная библиотека» — журнал, издававшийся с 1866 г. в Петербурге Ю. М. Богутевичем; как и «Всемирный труд», примыкал к лагерю реакционной журналистики.

В нем сотрудничали: В. Г. Бенедиктов, П. А. Вяземский, В. П. Ключников, Н. С. Лесков и др.

⁹ Василий Федорович Ратч — генерал, автор книг «Сведения о польском восстании 1863 года» и «Польская эмиграция до и во время последнего мятежа» (издана анонимно в Вильно в 1866 г.).

¹⁰ Михаил Осипович Козлов (1828—1891) — профессор богословия, историк и публицист славянофильского направления.

¹¹ Всеволод Владимирович Крестовский (1840—1895) в 1864—1867 гг. напечатал в «Отечественных записках» роман «Петербургские трущобы»; в 1869 г. в «Русском вестнике» появился его антинигилистический роман «Панургово стадо».

¹² Василий Петрович Авенариус (1839—1923) — писатель, автор антинигилистических романов «Современная идиллия» (1865) и «Поветрие» (1867). О «Поветрии» см.: А. М. С к а б и ч е в с к и й. Русское недомыслие. — «Отеч. записки», 1868, № 3, и Н. В. Ш е л г у н о в. Типы русского бессилия. — «Дело», 1868, № 3.

¹³ В «Вестнике Европы» в 1868—1869 гг. помещали свои произведения Тургенев, Гончаров, Островский, Полонский, Стасов и др.

¹⁴ «Конец» романа «Обрыв» (пятая часть) был напечатан в «Вестнике Европы», 1869, № 5 (первые четыре части появились в № 1—4). Роман вызвал единодушное осуждение критики революционно-демократического лагеря.

¹⁵ В «Отечественных записках», 1869, № 6, М. Е. Салтыков-Щедрин поместил (без подписи) статью «Уличная философия», в которой резко критиковал взгляды Гончарова на «молодое поколение».

¹⁶ Лавров имеет в виду деятельность Гончарова как цензора Петербургского цензурного комитета (с 1856 г.), и члена Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания (с 1863 г.; в 1865 г. Совет был преобразован в Совет Главного управления по делам печати). По обязанности члена Совета Гончаров наблюдал за журналами «Современник», «Русское слово» и др. В 1867 г. он оставил службу и вышел в отставку.

¹⁷ Редакция «Вестника Европы» поместила в ноябрьской книжке 1869 г. статью Е. И. Утина «Литературные споры нашего времени», в которой тот писал: «...изображая молодое поколение в образе Базарова или еще более грубой фигуре Марка Волохова, писатели старшего поколения показали, что они имеют мало общего с стремлениями людей новых идей...» (стр. 373). В письме Стасюлевичу от 12 ноября 1869 г. Гончаров заявлял по поводу статьи Утина: «При всем моем уважении к его уму я не могу с моею откровенностью не заметить, что он оказывает странную услугу молодому поколению, признавая фигуру Марка его представителем в романе» (Стас., т. IV, стр. 337). Лавров в статье о «Вестнике Европы» расценивает появление статьи Утина как попытку редакции вернуть журналу доброе имя («Неделя», 1870, № 16, 15—19 апреля).

¹⁸ Имеется в виду журнал «Современное обозрение», основанный в 1868 г. владельцем одной из петербургских типографий и книгоиздателем Н. Л. Тибленом. К участию в журнале им были привлечены некоторые бывшие сотрудники «Современника» и другие писатели демократического направления (Ю. Г. Жуковский, П. Л. Лавров, Ф. Д. Нефедов, А. Н. Пыпин, Ф. М. Решетников и др.). Выпустив шесть номеров «Современного обозрения», Тиблен бежал от долгов за границу, в связи с чем журнал прекратил свое существование.

¹⁹ Речь идет о заявлении сотрудников «Недели» (Д. Д. Минаева, Н. Соколовского, А. П. Пятковского, Н. А. Демерта, Г. И. Успенского), помещенном в «С.-Петербургских ведомостях». В заявлении указывалось: «Г. Генкель, приступив без нашего ведома к различным переменам в составе редакции, ввиду экономических или каких-либо других соображений, сделал невозможным всякое дальнейшее наше участие в его газете» (1869, № 37, 6 февраля). 26 января 1869 г. в «Неделе» было помещено письмо Н. С. Курочкина об отказе от участия в газете. Лавров писал по этому поводу: «Выход сотрудников по личным неприятностям из журнала — дело обыкновенное, но протест предполагает изменение направления журнала или изменение направления сотрудников. К удивлению, направление журнала не изменилось, и статьи, помещенные некоторыми из подписавшихся под протестом в других изданиях, доказывают, что и они продолжают писать в том же направлении. Как же объяснить желание повредить изданию, имеющему одно литературное знамя с протестующими. Кажется, всякий, кто носит это знамя, мог бы для поддержания его оставить в стороне многие личные неудовольствия, даже вполне справедливые, лишь бы не повредить одному из этого знамени» («Библиограф», 1869, № 1, стр. 37).

²⁰ «Москва» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, издававшаяся И. С. Аксаковым с 1 января 1867 г. по 21 октября 1868 г. За время своего существования несколько раз приостанавливалась. «Москва» критиковала с позиций позднего славянофильства внутреннюю политику правительства. 21 октября 1868 г. она была приостановлена на шесть месяцев (за «преувеличенное изображение нужд по случаю бывшего в некоторых губерниях неурожая») и не была возобновлена.

²¹ Статья К. К. Арсеньева «Русские законы о печати» («Вестник Европы», 1869, № 4, стр. 734—811), в которой сообщались сведения о причинах закрытия «Москвы».

²² Эмилио Кастеллар (род. 1832) — испанский писатель и политик; с 1868 г. — член кортесов; агитировал в пользу федеративной республики.

²³ Имеются в виду слова Фамусова в монологе «Вкус, батюшка, отменная манера»: «Его величество король был прусский здесь...» («Горе от ума», д. II, явл. 5).

²⁴ В газете «Неделя», 1869, № 1—18, в разделе «Политика», регулярно сообщалось о революционных событиях в Испании, об ослаблении власти папы, о победах на выборах в кортесы республиканцев и демократов. 5 мая 1869 г. за статью «Испания» «Неделя» получила третье предупреждение и была закрыта на шесть месяцев («Неделя», 1869, № 20, 9 ноября).

²⁵ В конце 60-х годов в газетах и журналах велась полемика о классицизме и реализме в среднем образовании. «Неделя» посвятила несколько статей этому вопросу (О. Волколамский). Борьба классицизма и реализма на русской почве. — 1868, № 9, 10, 12, 14, 16; его же «Педагоги и педагогика» — 1868, № 5; «Обнаруженный обман» — 1869, № 3, 4), в которых выступала против «Московских ведомостей», проводивших идею преобразования реальных гимназий в классические, введения греческого и латинского языков в гимназиях. В 1871 г. министром народного просвещения Д. А. Толстым была проведена реформа среднего образования, в связи с которой были созданы классические гимназии, а реальные гимназии преобразованы в реальные

училища. Право поступления в университет предоставлялось только окончившим классические гимназии.

²⁸ В «Неделе» 1869 г. печатались статьи Н. Демерта «Земство и сельское духовенство» (№ 6—8, 28 января — 11 февраля), «Мнимые нападки на духовенство» (№ 9, 16 февраля) и др. Одной из причин закрытия газеты 5 мая 1869 г. на шесть месяцев была статья «Несколько слов по поводу трудов по исследованию раскола» (1869, № 18, 20 апреля. См. также прим. 24).

²⁷ Жорж Жак Дантон (1759—1794) — деятель французской революции. В 1792 г. министр юстиции и фактический глава республиканского правительства Франции.

²⁸ Филипп II (1527—1598) — испанский король. С 1555 г. стал королем Испании и Нидерландов.

Гёзы (Les Gueux) — союз нидерландских дворян, образовавшийся в 1565 г. с целью защиты страны от порабативших ее испанцев.

²⁹ Первые 15 глав романа А. С. Суворина «Всякие» в 1865 г. печатались в «С.-Петербургских ведомостях». В романе были изображены с симпатией участники кружка Чернышевского. Цензура запретила печатание романа. В 1866 г. Суворин издал его отдельной книгой без разрешения цензуры. Петербургский окружной суд постановил заключить Суворина в тюрьму на два месяца, а роман уничтожить. По апелляции пришедшего поверенного К. К. Арсеньева, Петербургская судебная палата постановила: «Подвергнуть Суворина аресту в военной гауптвахте в течение трех недель, сочинение „Всякие“ уничтожить». Второе издание книги было выпущено в 1907 г. (см. Л. М. Д о б р о в о л ь с к и й. Запрещенная книга в России. М., 1962, стр. 54—55).

³⁰ Статья «По поводу университетского юбилея». См. о ней далее — прим. 44.

³¹ В «Вестнике Европы» 1868 г. были напечатаны статьи Н. П. Колопанова «Три года Новгородского земства» (№ 2), «Самарское земство» (№ 7 и 8), «Девятнадцатое февраля 1870-го года» (№ 10).

³² «Вестник Европы», 1868, № 1, стр. 120—163; № 2, стр. 591—633.

³³ Там же, 1869, № 2, стр. 685—758 и № 3, стр. 154—285.

³⁴ В «Русском вестнике» были опубликованы статьи, посвященные польским делам: М. Н. К а т к о в. «Польский вопрос» (1863, № 1), «Мнимое и действительное» (1863, № 5); Н. П. В — в. «Общий характер притязаний польской партии в западном крае» (1863, № 8); Д. И. И л о в а й с к и й. «После раздела» (1864, № 3).

³⁵ Вероятно, Лавров имеет в виду журнал «Современник», во главе которого стояли Чернышевский и Добролюбов, бывшие властителями дум молодого поколения.

³⁶ Антиингилистические романы Писемского — «Взбаламученное море» (1863) и «Русские лугуны» (1865).

³⁷ В. П. Ключников в 1864 г. поместил в «Русском вестнике» роман «Марево» — одно из наиболее резких антиингилистических произведений того времени; в 1866 г. в «Литературной библиотеке» — роман «Большие корабли».

³⁸ М. Стебницкий — псевдоним Н. С. Лескова, которым он пользовался в начале своей литературной деятельности. В 1864 г. Лесков опубликовал в «Библиотеке для чтения» антиингилистический роман «Некуда», который вызвал резкое осуждение всей передовой критики («Русское слово», 1865, март, стр. 15). Лавров писал в статье «Письмо провинциала о задачах современной критики»: «Я упомянул о первом романе Стебницкого. Он доставил этому автору не весьма почетную славу, а вместе с тем и погубил „Библиотеку для чтения“. Многие сотрудники ее оставили, многие сотрудники отшатнулись» («Отеч. записки», 1868, № 3, стр. 126).

³⁹ Лавров имеет в виду монтионовскую премию — премию добродетели (Prix de vertu), назначаемую по завещанию французского филантропа Антуана Оже Монтиона (1733—1820) за сочинения, способствующие улучшению нравственности.

⁴⁰ Речь идет о стихотворениях А. К. Толстого: «Пантелей-целитель» («Русский вестник», 1866, № 9) и «Змей Тугарин» («Вестник Европы», 1868, № 2; под названием «Былина»). А. К. Толстой к середине 60-х годов стал сотрудником «Русского вестника» и сторонником антиингилистического движения.

⁴¹ В статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества», Лавров отмечал, что хотя Тургенев не заметил «сохранившиеся и укрепившиеся живые силы общества», он дал «самую смелую для него картину кружка, дирижировавшего тогда судьбами России [...] За признание этого дымом, да еще очевидно зловредным, удушающим, Ивану Сергеевичу прощали многое» (см. настоящ. том, стр. 231—232).

⁴² Стихотворение Я. П. Полонского «Ночь в Летнем саду» («Вестник Европы», 1868, № 6, стр. 457—473) — сатира на демократическое движение. Полонский писал в нем: «... демократия — зло; пускай цветут верхи и пусть гниют корни! И думать, что идут все соки от корней, не значит ли опаснейших идей быть провозвестником. О! Это преступление!».

⁴³ «Вестник Европы» поместил по поводу пятидесятилетия университета две статьи: в разделе «Внутреннее обозрение» — «Юбилей Петербургского университета» (1869, № 3, стр. 424—426) и сообщение в разделе «Наблюдения и заметки» (там же, стр. 456—459).

⁴⁴ Речь идет о статье в «Неделе» от 16 февраля 1869 г. — «По поводу университетского юбилея». В этой статье подчеркивалась роль Петербургского университета в раз-

витии народного образования в 1857—1861 гг. Эти годы автор статьи считал периодом расцвета Петербургского университета: в нем читали лекции профессора Костомаров, Пыпин, Кавелин, Стасюлевич, Спасович; аудитории университетов были доступны не только студентам и вольнослушателям, но и посторонней публике; издавался университетский «Сборник»; существовала касса для вспомоществования бедным студентам и студенческая библиотека. Автор статьи, однако, старался доказать, что студенческие волнения осенью 1861 г. не были подготовлены обстановкой, сложившейся в университете. В 1869 г. студенты Петербургского университета вновь выдвинули требования о праве учреждения студенческой кассы, праве общих студенческих сходок, о создании студенческой библиотеки. В названной статье «Неделя» поддерживает требования студентов. 6 марта редакция газеты получила предостережение за помещение этой статьи («Неделя», 1869, № 12, 9 марта).

⁴⁵ Профессор И. Е. Андреевский прочел «Историческую записку о Петербургском университете» 8 февраля 1869 г. во время юбилейных торжеств. Эта записка была составлена профессором восточной словесности В. В. Григорьевым. По поводу поручения писать историю Петербургского университета Григорьеву автор статьи «Наблюдения и заметки» в «Вестнике Европы» писал: «Как будто гуманитарные науки в университете представлены так дурно, что историка пришлось искать между ориенталистами» (1869, № 3, стр. 458).

⁴⁶ В разделе «Внутреннее обозрение» в статье «Юбилей Петербургского университета» приводятся слова «высочайшего рескрипта»: «Ученое сословие, проникнутое сознанием своих высоких обязанностей, будет по-прежнему утверждать в многочисленных своих слушателях знания, основанные на истине и добре, а пользующиеся ее научным руководством со временем сами окажут услуги отечественному просвещению, государственной и общественной деятельности и подобно достойнейшим из их предшественников сослужат свою службу России» («Вестник Европы», 1869, № 3, стр. 426).

⁴⁷ Имеется в виду передовая статья в газете «Голос» (1869, № 40, 9 февраля) по поводу юбилея Петербургского университета. В статье сообщалось, что все профессора Петербургского университета были избраны Советом университета и пользуются большим уважением у студентов.

⁴⁸ «Высочайшим рескриптом» по поводу юбилея Петербургского университета было учреждено 100 стипендий на сумму 30 000 рублей и 20 000 рублей было подарено университету на пособия нуждавшимся студентам. Реакционная газета «Весть» восторженно приветствовала этот дар. Автор статьи «Наблюдения и заметки» высмеивает «Весть» за выражение верно подданных чувств.

⁴⁹ Защита докторской диссертации М. И. Владиславлевым «Философия Плотина» состоялась 14 января 1869 г. на философском факультете Петербургского университета на публичном диспуте. Несмотря на серьезные возражения неофициальных оппонентов, проф. Градовского и других, декан философского факультета профессор Срезневский взял докторанта под свою защиту и «Владиславлев получил докторский диплом» (К. Д. Уш и н с к и й. Философский диспут в Петербургском университете. — «С.-Петербургские ведомости», 1869, № 15, 15 января).

⁵⁰ В «Воспоминания о Белинском», написанные в 1869 г., Тургенев включил отрывки из своей лекции о Пушкине 1859 г. (XI, 288—292).

⁵¹ В предисловии «От автора» к роману «Обрыв» («Вестник Европы», 1869, № 11) Гончаров писал: «Слух об этом романе проник в публику гораздо прежде, нежели он был дописан автором, и мог породить ожидания, может быть преувеличенные. Причину этого слуха должно отнести к нескромности автора и близких ему людей, которым он сообщал неоднократно программу романа <...> А в 1859—1860 годах автор поместил несколько глав в „Современнике“ и „Отечественных записках“ под заглавием: „Эпизоды из жизни Райского“ („Беловодова“, „Бабушка“ и „Портрет“). В 1860 г. Гончаров намеревался напечатать в „Современнике“ два отрывка из „Обрыва“: „Софья Николаевна Беловодова“ и „Бабушка“, но напечатан был только один — „Беловодова“; очерк „Бабушка“ был возвращен Гончарову и появился в „Отеч. записках“, 1861, № 1.

⁵² Эмиль Эркман (1822—1899) и Луи Шарль Александр Шатриан (1826—1890) — французские писатели, выступавшие под общим псевдонимом Эркман-Шатриан. Здесь речь идет о персонаже сказки Эркмана-Шатриана «Гюг-волк», дочери саксонского бургграфа Гюга, прозванного волком, женщине-волчице, бродившей по лесам. Саркастическое сравнение бабушки с женщиной-волчицей относится к эпизоду из VII главы последней части «Обрыва», когда бабушка, узнав о беде Веры, уходит из дому.

⁵³ Имеется в виду студенческое движение в Петербургском университете, Медико-хирургической академии, Технологическом институте в начале 1869 г. и участие в нем С. Г. Нечаева. В марте 1869 г. было распространено воззвание Нечаева «К обществу», в котором говорилось: «...протест наш тверд и единодушен, и мы скорее готовы задохнуться в ссылах и казематах, нежели задышаться и нравственно уродовать себя в наших академиях и университетах...» (Сб. «Нечаев и нечаевцы». М., 1931, стр. 9).

⁵⁴ «Заря» — учено-литературный и политический журнал реакционного направления. Издавался в Петербурге с 1869 по 1872 г., редактор В. В. Камширев. В журнале участвовали: Достоевский, Писемский, Крестовский, Лесков, Ключников и др.